

НАСТОЯЩИЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ИВАН ПРОХОРОВ

18+

Иван Прохоров

Настоящий полицейский

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67988102

SelfPub; 2023

Аннотация

Майор полиции Данилов отморозок и трус. Но как водится на хорошем счету у начальства. Однако неожиданный поступок в ходе крупной облавы ставит крест на его будущем. Теперь у него только один шанс сохранить свободу – согласиться на участие в загадочном эксперименте. Выбор невелик, но что-то идет не так: в ходе эксперимента Данилов неожиданно теряет сознание и приходит в себя в собственном прошлом. На дворе октябрь 1995 года, ему снова тринадцать лет и впереди ровно неделя до бесследного исчезновения младшего брата и самоубийства матери. Шанс предотвратить то, что когда-то навсегда изменило твою жизнь – великий дар, вот только бороться с прошлым на поверку оказывается не так-то просто. Давно позабытые детали обретают новый зловещий смысл, а восстающие события прошлого чудовищным образом перестраиваются, приближая повторение катастрофы. Остается лишь одна надежда: попытаться в 13 лет стать тем, кем так и не сумел стать во взрослой жизни – настоящим полицейским.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	42
Глава 3	73
Глава 4	94
Глава 5	125
Глава 6	146
Конец ознакомительного фрагмента.	168

Иван Прохоров

Настоящий полицейский

Глава 1

Высоко над деревьями кажется, что от зноя застыл не только воздух, но и время. Однорядные дороги в строительной пыли пусты, звенящие провода оставлены птицами, крыши построек серы как земля и сверху выглядят заброшенными хижинами из классических слэшеров. В ядовитом мареве на юге грязной группой скал белеют многоэтажки – исполинские ворота в неуютный пригород. А если взглядеться в плавающую даль на север, то можно увидеть над железнодорожной просекой полосу бетонного моста, на которой сереют неподвижные силуэты фур.

Но все же приятнее смотреть на запад – в пасторальном слиянии небесного и лесного океанов временные метаморфозы перестают казаться чем-то значительным. Если двинуться туда, то можно обнаружить под собой небольшую прогалину с асфальтированной площадкой, напоминающую конечную остановку в каком-нибудь захолустье. Из тех, где никто не живет и куда единственная маршрутка заезжает только чтобы развернуться.

От площадки лучами отходят три узкие дороги. Одна со-

всем короткая упирается в перелесье с заросшим оврагом перед железной дорогой. Другая тянется по вспученным колдобинам долгой буквой «Г» меж непритязательных дачных домиков, постепенно истончаясь в тропинку, ведущую в глухой лес. Лишь по третьей можно уехать отсюда – она ныряет к узкому мосту над заболоченной лужею и, поднимаясь, исчезает в пыли.

На первой дороге у самого перелесья стоит черный «Форд», в нем сидят двое мужчин. За рулем – смуглый с черными волосами, рядом – упитанный здоровяк. Они сидят здесь с утра и смертельно устали от зноя. Особенно толстяк – он непрестанно вытирает лицо платком. Редкая привычка – носить с собой тканевые платки, но не для него – мужчина страдает потливостью с детства. Окна с обеих сторон открыты, и можно услышать радио, которое окончательно лишает иллюзии (но не ощущения) о застывшем времени.

– Пробка на Новорижской эстакаде, на внешней стороне. – Рубящими фразами вещает голос. – Центральная улица, Носовихинское шоссе от переезда на железную дорогу. Стоит Ярославское шоссе от МКАД до Северянинской эстакады, заторы на Щелковском шоссе от поворота на поселок Восточный, стоит Батарейная улица от поворота в район Луговая до железнодорожного переезда. Проблемы на внешней стороне МКАД от Бесединского путепровода до Рязанского проспекта. Дмитровское шоссе от Северного проезда. Шоссе Энтузиастов от Свободного проспекта до Авиамо-

торной улицы. Заторы на Горьковском шоссе на всем протяжении Балашихи до Объездного шоссе. Пятницкое шоссе от деревни Федоровка. Сложности на Волгоградке от улицы Академика Скрябина до Люблинской улицы. Волоколамское шоссе – от улицы Ленина до Большой Комсомольской. Стоит Проспект Мира, Рязанский проспект, Каширское шоссе, внешняя сторона третьего транспортного от Спартаковской площади до Хорошевской улицы. Бульварное кольцо тормозит от Казарменного переулка до Никитской...

В тишине этот голос поднимается высоко, его слышно даже в лесу и дальше в овраге.

Между выездной и Г-образной дорогами позади машины метрах в тридцати – небольшой одноэтажный домик с антиком и вывеской на фризе – «Минимаркет». Если миновать тамбур с распахнутой железной дверью, открыть пластиковую дверь с тугим доводчиком, то можно обнаружить, что магазин тесен, а владельцы экономят на кондиционерах.

Ближе всех к двери прямо напротив холодильника с газировкой и соками стоит крепкий мужчина. В его голове туман, а в черных глазах под вечно сдвинутыми бровями – пустота. Несмотря на жару, на нем ветровка из полиакрила. Он чувствует, как промокла от пота спина, но больше всего его раздражают рукава, прилипающие к рукам. Он ругает себя, что надел поло, вместо обычной рубашки. Эту куртку он с удовольствием выбросил бы, несмотря на стоимость почти двадцать тысяч, но сделать этого он не может и дело не в

деньгах, а в пистолете под левой рукой. Новый пистолет весит, как старый, но кажется, будто он таскает под мышкой гирю, а правый наплечник то и дело сползает на шею.

Взгляд его скользит по знакомым брендам, пока не замечает банку «Доктора Пеппера». Легкий ветер прошлого на миг развеивает туман в голове, но волевое усилие не дает мысли развернуться. Этим искусством он неплохо овладел. Ограничившись притупленным уколом, воспоминание затмевает мысль о тринадцатилитровом баллоне с гелием, который уже два месяца он возит в багажнике своей машины. Он рассчитывает достать его в одну из ночей на следующей неделе – вероятно ближе к концу, после того как сходит в супермаркет и купит бутылку виски. Взгляд снова останавливается на банке с газировкой «Доктор Пеппер». Откуда она тут среди привычных кока-кол и пепси без сахара? Неужели их еще производят? Он невольно вспоминает того, кто любил эту газировку. Тогда она была обычной газировкой, а теперь судя по ценнику что-то экзотическое. Что за дешевый развод? Ему никогда не нравился «Доктор Пеппер», также как шоколадные батончики «Пикник», даже когда они еще были в желтых упаковках и не всем по карману. Наверное, из-за вечно болящих зубов. Сам он всегда любил «Фанту» и только недавно узнал, что этот напиток изобрели в нацистской Германии в ответ на санкции, лишившие третий рейх нужного для приготовления «Кока-Колы» сиропа. Здесь в холодильнике тоже была «Фанта» – классическая

апельсиновая и со вкусом манго и гуавы. Мужчина прищурил левый глаз, одновременно скептически приподняв левый уголок губ – единственная привычка, оставшаяся с детства, и взял «Доктор Пеппер».

Справа, у прилавка слегка покачиваясь, стоял низкорослый, но крепкий на вид молодой алкаш в рваной измазанной на спине футболке.

Он занимался тем, что приставал к двум подросткам – к парню и девчонке лет четырнадцати, которые пришли в магазин за чипсами. Судя по одинаково выющимся золотистым волосам, это были брат и сестра, а судя по чистым джинсам, модным кроссовкам и нарядным футболкам – юные москвичи, проводящие последние дни школьных каникул на даче.

Подростки и рады были, пожалуй, отказаться от чипсов и покинуть не слишком приятную компанию, но алкаш крепко сжимал руку парня, не отпуская после навязанного приветствия и последнюю минуту не переставая учил «салагу» «жизни», успев за это время поведать, что отсидел за убийство и все в округе знают его как «Князя». Что имелась в виду за округа, если поблизости были только небольшие СНТ и главное, зачем это было знать подросткам, похоже, вряд ли объяснил бы и сам «Князь», но когда тобой движет агрессия, вызванная алкогольным психозом, объяснения – дело десятое.

В таком глухом месте, очевидно, не так-то просто найти подходящий объект для выхода накопившейся ненависти –

сойдет любой, кто слабее и кто хотя бы немного осознает себя личностью.

Подростки – идеальный вариант, тут даже провокации не нужны – достаточно чистой одежды и неосторожно блеснувшей неприязни во взгляде. Напрасно подросток тихо требовал «отпустить руку» и бросал взгляды на продавца – пожилого худого азербайджанца, прячущего улыбку в усы – ему тут проблемы точно не нужны.

– Не, а чё ты такой дерзкий?! – алкаш дергал за руку школьника, обдавая его крепким алкогольным амбре, пока из банки в другой руке на пол выплескивался коктейль.

– Отпусти. – Просил подросток.

– Не а чё ты там сказал? Кто алкаш?

Жизненный скилл явно уступал скиллу в PUBG. Кажется, еще немного и школьник расплатится.

– Разогрейте три бутерброда, – раздался рядом спокойный голос.

Азербайджанец деловито кивнул подошедшему мужчине, сжимавшему в руке «Доктор Пеппер».

На мужчину тут же обернулось лицо с плавающим взглядом в буквальном смысле налитых кровью глаз в окружении черно-лиловых фингалов.

– Э-э, – многозначительно протянул алкаш.

– Два с ветчиной и один с курицей.

Мужчина достал из заднего кармана джинсов бумажник, вытащил пластиковую карту.

– А niche, что тут, бл... очередь!

Алкаш, наконец, отпустил руку подростка и совсем развернулся к мужчине. Тяжелый дух густого перегара смешивался с запахом несвежего пота.

– Ну, так жди своей. – Спокойно сказал мужчина.

Алкаш захлопал глазами. Странный субъект конечно совсем не годился на роль жертвы: выше ростом, крепкий и этот взгляд – нет, не воинственный и не самоуверенный, а скорее пустой, как будто тот, которого знает «вся округа» не более, чем колонна за его спиной. Но алкогольный психоз и невозможность упасть в грязь лицом перед подростками, которые теперь почему-то не спешили покидать магазин (сестра тянула брата за футболку, а он все смотрел на странного мужчину) вынудили его пойти в осторожное наступление.

– Не понял. Ты, бл..., кто такой вообще?!

На улице послышался шум отъезжающей электрички.

– А твое какое дело, кто я такой?

В пустом взгляде ничего не менялось.

– Тут бл... очередь!

Банка коктейля «BOND» со звонким стуком опустилась на прилавок. Капли забрызгали столешницу и упаковку мармеладных мишек «Харибо».

– Ты это уже говорил.

– Че?!

– Пластинку заело?

Азербайджанец протянул мужчине POS-терминал. На ху-

дом волосатом запястье блеснула циркониевая трубка браслета из матовых камешков.

– Давай выйдем, нах! – заорал вдруг алкаш, что есть мочи, но куда-то в сторону, как разразившаяся лаем бешеная собака. – Я тебе объясню нах кто ты по жизни!

– Ты уверен?

В глазах алкаша буйствовал целый коктейль разрушительных эмоций – от чувства обиды и неудовлетворенности до зашитой где-то на генном уровне тяги к саморазрушению, а в противоположном черном взгляде – все та же пустота. Такой же взгляд у мужчины был, когда он доставал «Доктор Пеппер» из холодильника и сегодня утром, когда он встал с кровати и зажег сигарету и вчера, когда он схватил за шею кухонного боксера и позавчера, когда он ударил в живот таджика и все последние десять лет.

Алкаш хмурился – наверное, ждал какого-то пояснения. И пояснение пришло.

– Двадцать один сорок семь. – Захрипела рация в кармане мужчины. – Кто на южном, ждите спецназ. Синий микроавтобус. Анна, Николай, Харитон. Как понял? Прием!

Внезапно вторгшиеся голоса также внезапно утонули в тишине вместе с треском рации.

Взгляд алкаша будто перезагрузился.

– А, – поднял он руки, будто сдаваясь, – все понятно. Гражданин начальник. Все понятно...

Майор полиции Данилов вышел из магазина в загустевший зной. Улица ожидаемого облегчения не принесла – та же духовка. Пока шел к черному «Форду», выключил рацию. От треска и голосов болела голова. Он не был старшим – к чему потакать привычкам, когда впереди ничего больше нет. Левая часть наплечной кобуры из-за перевеса впивалась в подмышку. Он сунул руку под куртку, чтобы поправить ее и случайно задел новый пистолет. Невольная мысль – а к чему эти сложности с баллоном? Ответ вызвал невеселую улыбку с привычным прищуром левого глаза. Потому что он был трусом – почему же еще?

– Ну, наконец-то, – встретили его мужчины в машине.

Тот, что сидел на пассажирском сиденье – крупный, полноватый, как Дональд Трамп вытирал насквозь промокшим платком круглое котообразное лицо, будто вымазанное маслом.

– Салфетки купил? – спросил он неожиданно высоким тонким голосом.

– Чего? – хмуро переспросил Данилов и, достав «Доктор Пеппер» швырнул пакет ему в окно.

– Ай, ладно, неважно. – Толстяк обрадованно сунул лицо и холеные руки в пакет. – Мои с ветчиной и курицей!

Данилов сел на заднее сиденье.

По радио женский голос негромко пел:

Школьная пора, и при всякой погоде пропадали пропадом мы во дворах.

Через года слышу мамин я голос, значит, мне домой возвращаться пора.

– Что за дичь! – чернявый на водительском сиденье стал стучать по кнопкам магнитолы.

– Это Овсиенко, дубина! – захохотал толстяк и откусил сразу половину сэндвича.

– Кто?

– Классику знать надо.

– Да иди ты с такой классикой.

Овсиенко сменил напористый с угрожающими нотками голос радиоведущего:

– По данным метеобюро Москвы и Московской области сильнейший грозовой фронт приближается к столице с северо-запада. На Москву обрушится сильный ливень, град и ветер с порывами до тридцати метров в секунду. МЧС рекомендует не укрываться и не парковать машины под деревьями и шаткими конструкциями. В городе объявлено штормовое предупреждение.

– Скорей бы. – Сказал толстяк, принимаясь за второй бутерброд.

Данилов открыл банку «Доктор Пеппер», сделал глоток.

Пресноватый вишневый вкус тотчас перенес его в другой август, отозвавшись краткой вспышкой сладкой боли, и до рези в глазах яркая листва за окном расступилась, явив картины ушедшего. Удивительно, как многогранна память, даже вкус и запах могут вернуть в прошлое. Он вспомнил, как разбирая хлам перед переездом, нашел в шкафу сумку давно умершей матери и, почувствовав запах ее духов, испытал тот же эффект – будто годы исчезли на мгновение. Мужчина тряхнул головой и обернулся.

На пяточке никого не было, кроме алкаша, который, пошатываясь, как матрос во время качки, отдалялся в сторону «Г-образной» дороги. Невесть откуда взявшаяся большая белая собака оглушительно лаяла, кружась вокруг него. Алкаш грозил ей пальцем и что-то говорил – видимо учил отвечать за базар.

– Роман! – взмолился толстяк на переднем сиденье. – Да включи ты кондей, осталось полчаса от силы!

Чернявый покачал головой.

– Вот же хохлина экономная! – толстяк снова вытащил платок и стал вытирать шею. – Чешется зараза.

– Могу подкинуть контакты одного барбершопа. Там марокканец у них бреет так, что кожа потом как задница у младенца, – предложил чернявый.

– Ты бреешься у барберов? – удивился толстяк.

– Только там.

– И не в лом?

– Наоборот. Они еще массаж лица делают. Знаешь, как вштыривает, потом заряд бодрости на целый день.

– Ну, ты извращенец.

– Куда мне до тебя, толстый.

– И как ты можешь доверять, что по твоей шее какой-то негр скоблит опасной бритвой?

– Марокканцы не негры.

– Какая разница! Одно движение и чик. Я бы такое даже своей бабе не доверил.

– Ты ничего не понимаешь.

– Меня аж передернуло, как представил, – толстяк обернулся, – слышь, Игорь, во дает, а? Ты бы согласился?

– Возможно, если это будет негритянка... – Сказал Данилов.

– Да ну на хрен! Хотя... – Толстяк задумался. – Негритянка с опасной бритвой... В этом что-то есть!

Неожиданно снова затрещала рация:

– Радио сорок пять тридцать шесть. Черную «Тойоту» нашли в грузовом туннеле под торговым центром! Передние двери и багажник открыты. Внимание! «Тойота» пустая. Повторяю! Пов-то-ря-ю! Предположительно – трое движутся пешком или бегом в сторону МКАД! Прием.

– Да че, бл..., там происходит! – разозлился чернявый, приглушая радио. – Два часа уже как закончить должны.

– Роман, а я тебе говорил, что мы на весь день тут закиснем.

– Тебе-то почему знать?

– Говорю же – салага ты еще! – хохотнул толстяк. – Так всегда бывает, когда много начальников собирается в одном месте.

– Тоже мне, открытие.

Данилов снова обернулся. На пяточке царило все то же безлюдье. И тишина. Вот только не было в этой тишине ни капли привычной для Подмосковья безмятежности. Она будто скрывала что-то. Странное чувство. Может дело в этой не по-августовски ядовитой жаре? В тревожном молчании птиц? Замерших в безветрии кронах? А может в странном гуле, исходившем из металлического ящика на вышке мобильной связи?

– Так что там с торговым центром? – спросил Данилов.

– Эвакуируют вроде...

– Зачем?

Чернявый пожал плечами и вдруг спросил:

– Игорь, а ты ведь следаком был?

Данилов не ответил.

– Иди ты! – удивился толстяк. – Игорян?

– Вроде, по особо важным, да? – чернявый обернулся.

Данилов остановил взгляд на пискнувшем и зажегшемся дисплее его смарт-часов. Они постоянно пищали и зажигались, когда он делал резкие движения, и Данилову казалось, что это не очень удобно, если ты полицейский при исполнении.

– Было дело.

– В следственном департаменте?

– В нем самом.

– А что ушел?

– С годами... устаешь от ненормируемых рабочих дней. –

Данилов хлебнул «Доктор Пеппер» и, нахмурившись, уставился в окно, давая понять, что разговаривать на эту тему больше не намерен.

– Неплохо там, наверное...

– Тебе-то не светит, – хлопнул его по плечу толстяк, – получай надбавки шаурмой и купонами на бритье.

– Да ты все про деньги, толстый.

Данилов снова оглянулся и увидел, как высокий мужчина в бейсболке с сумкой на плече входит в магазин. Вдали, со стороны станции раздавались крики.

– Сделай радио потише.

– Да там уже давно орут.

– И стрельба была.

Рация снова затрещала, но кроме помех ничего не разобрать.

– Да выключи ты ее уже!

В этот момент из рации послышался четкий голос, как будто передающий был совсем рядом, а не в трех километрах.

– Задержали. Все.

И следом уже сквозь помехи другой голос – возбужден-

ный, срывающийся на крик:

– Внимание всем! Заря! Это подростки! Задержали не тех! Трое все еще в розыске! Передвигаются в пешем порядке. Вооружены! Рост выше среднего! Прием! Двадцать один сорок семь, внимание... все заслоны на МКАД! Кто еще на Симферопольском тоже на МКАД!

– Что-то пошло не так, – злорадно сказал чернявый, – не удивлюсь, если они еще и с баблом ушли.

– Да, смешно будет. Два главка задействовали, собр, омон, бл..., двойное кольцо, вот головы полетят.

– Да поймают. Деваться им реально некуда.

– А торговый центр, он же напротив склада? – спросил Данилов, который был чужаком в этих местах, в отличие от своих коллег на передних сиденьях.

– Ну и что?

– То есть они оба выходят к железной дороге?

– Там станция в леске, Игорь, – ответил чернявый, – а к чему ты клонишь?

Данилов отхлебнул из банки.

– Да глупо как к МКАДу идти.

– А куда им еще идти? Позади склад, справа станция, за ней жидкая роща и дорога как граница, наглухо заслонами перекрыта. На МКАДе большой разъезд, три парковки, по их логике там затеряться, и тачку поймать как не..уй делать. Они же потому и бросили «Тойоту», что прямого выезда там нет.

– А железная дорога?

Толстяк брызнул газировкой от смеха.

– Да бл..., на электричке уедут.

– Ну, я бы поржал! – тоже усмехнулся чернявый.

– А почему нет? – спросил Данилов.

– Ты серьезно?

– Сам подумай. Народ едет с дач, к ним примешивается толпа из торгового центра, который весьма удачно для них эвакуируют. Небольшая станция посреди леса превращается в шанхай. А если в этой толпе они разделятся, то...

– Да, с эвакуацией это конечно нехилый косяк... Кто вообще ее объявил? От него до склада метров триста. Это же просто подарок.

– Возможно, кто-то ведет свою игру. – Данилов снова обернулся.

Женщина в футболке и спортивных штанах стояла возле дверей магазина, заглядывая внутрь. Затем развернулась и быстро зашагала в сторону «Форда» – видимо шла на станцию. Когда она проходила мимо машины, Данилов, через окно поинтересовался у нее:

– Что там в магазине?

– Закрит, – недовольно бросила женщина.

– Закрит?

– Придется тащиться в торговый центр!

– Там эвакуация! – крикнул ей толстяк.

– Ага, очень смешно! – ответила женщина и свернула на

тропинку в перелесок.

– Да с электричкой стремный вариант, Игорь. Тут же все серьезно. Аппаратный контроль. Далеко не уедешь.

– А далеко и не надо, – глотнул уже сильно нагретшейся газировки Данилов, – я бы на их месте именно так и сделал.

– Как, Игорянь?

– Прыгнул в электричку, выехал из периметра километра на два-три и дернул стоп-кран. Ищи их вон тут по полям и лесам, никаких тебе дорог, никаких камер, одни глухие СНТ кругом...

Данилов допил остатки «пеппера» и только теперь заметил, что с передних сидений на него смотрят два изумленных лица.

– Чего? – спросил он.

– Игорянь, ты это... – Осторожно проговорил толстяк.

Данилову показалось, что он скажет: только не шевелись, у тебя тарантул ползет по плечу – почему бы нет при такой африканской жаре, но он лишь повторил:

– Ты это...

– Да чего ты мямлишь?

– Тут электричка останавливалась, – ответил вместо него чернявый.

– Где тут?

– Прямо тут – посреди леса. – Он вытянул руку в сторону перелесья и смарт-часы на его запястье загорелись оранжевым ободком и пискнули. – Когда ты ходил в магазин...

Внезапно ничего не значащие детали – закрытый магазин, звук отъезжающей электрички, высокий мужчина в бейсболке с сумкой на плече и обрывки странных сообщений по радиации стали складываться в обретающую смысл картину.

Данилов вздохнул.

«Форд» медленно подъехал к магазину. Данилов вышел первым, не спеша поднялся по крыльцу. Заглянул через стекло, подергал дверь – закрыто. Внутри ничего необычного: холодильный шкаф, из которого пятнадцать минут назад он извлек «Доктор Пеппер», стеллажи с чипсами, витрина с кексами. За прилавком никого, только чуть приоткрыта задняя дверь с доводчиком, ведущая видимо во двор – за нею виден кусочек зелени. Интересно, что ей мешает закрыться? Данилов прищурил левый глаз, обернулся.

Толстяк стоял рядом, тяжело дышал, приоткрыв рот.

– Что там?

Данилов не ответил, посмотрел на чернявого, который стоял у машины.

– Отбой не дали? – спросил он у него.

Чернявый покачал головой. Данилову это не нравилось. Он не раздумывая, развернулся бы и убрался отсюда, если бы поступила команда о снятии оцепления. Дался ему этот магазин, даже со всей этой «картиной».

Но команды не поступало, и он не мог себе ответить, почему делает то, что делает. Он посмотрел по сторонам вдоль фасада, облицованного искусственным камнем, затем спустился с крыльца и прошел мимо закрытых рольставнями окон до угла. Боковой фасад переходил в облицованный таким же камнем высокий забор, за ними – металлические ворота с дверью.

Толстяк и чернявый двинулись за ним.

Данилов остановился у двери, прислушался, из-за ворот раздавалось непрерывное приглушенное тарахтение, он положил ладонь на дверную ручку, надавил, ручка поддалась.

– Игорь.

Данилов обернулся. Чернявый смотрел серьезно. Так серьезно смотрят те, кто любит играть в жизнь. Возможно возраст, он ведь еще молод и вроде недавно только женился, а может просто устал от рутины, далекой от того, что рисовалось в воображении, когда готовился к экзаменам в училище МВД.

– Может, стоит доложить?

Данилов приподнял брови.

– О чем?

Чернявый ничего не ответил, но его лицо оставалось все таким же серьезным.

– Мы просто проверяем, дубина. – Хохотнул толстяк. – Выдыхай!

Данилов приоткрыл дверь, и первое что увидел в крошеч-

ном заваленном дворе – спину парня в белой футболке, который накачивал компрессором заднее колесо «Газели». Он тер манометр о грязные джинсы и пытался там что-то разглядеть. Данилов обратил внимание, что «Газель» была заведена, хотя задний борт ее был откинут.

Он осторожно ступил во двор, осмотрелся. Напарники ввалились следом и чернявый позвал парня. Тот не отреагировал, продолжая суетливо копошиться у колеса. Данилов посмотрел направо и понял, что препятствовало доводчику закрыть заднюю дверь магазина. Из проема свисала безжизненная рука с браслетом из матовых камешков.

– Эй, оглох что ли?! – чернявый повысил голос, но парень на удивление искусно делал вид, что не слышит.

– Тсс! – зашипел Данилов, но было поздно.

Из-за «Газели» на них вылетел вихрь в виде угловатого здоровяка похожего на баскетболиста средней лиги со страшной головой. В руках он сжимал дробовик Сайга-12, ствол которого нацелился в грудь Данилову.

Майор отшатнулся не в силах оторвать взгляда от ствола.

– Вы кто такие нах...?! Руки бл...!

– Спокойно, – послышался голос чернявого.

– Хлебало завали!

Из-за спины великана вышел мужик в бейсболке – тот самый, которого Данилов видел входящим в магазин.

Данилов подумал, сколько секунд им понадобится, чтобы понять кто они такие: одинаковые короткие стрижки, куртки

в жару и пистолеты под ними разглядеть не трудно.

А еще он подумал, что гориллообразный субъект с дробовиком смутно ему знаком. Покатый лоб, рубленые скулы, крошечные оттопыренные уши, надбровные дуги питекантропа, над колючими глазами убийцы. Убийства и грабежи. Федеральный розыск.

– Отрава, это мусора, – подвел итог секундам мужчина в бейсболке. Он тоже был высоким и крепким, но на фоне великана выглядел подростком.

С трудом оторвав взгляд от ствола «Сайги», Данилов заглянул в лицо Отравы и увидел, что до принятия решения осталось от силы пара мгновений. А какой у них выбор? Данилов ощутил, как грудь, будто что-то сдавливает изнутри – странное ощущение.

– Вы что думаете, это вам с рук сойдет?

Голос чернявого. Вот же кретин! Ствол метнулся на него. Краем глаза Данилов увидел слева от себя узкий коридор, образованный забором и складированными досками. В конце, метров через пять – кирпичная стена. Может там есть проход? Шанс, конечно, крошечный, но... Черт возьми, откуда это мерзкая дрожь на фоне странной невозможности пошевелить даже пальцами поднятых рук. Он сомневался, что даже слово сказать может, в отличие чернявого придурка. И самое главное, если это так страшно, то на кой черт ему баллон с гелием?

Где-то далеко завывала сирена.

Сам от себя, не ожидая, Данилов, заговорил, одновременно понимая по колючим глазам и напрягшемуся пальцу на спусковом крючке, что у них нет даже секунды, потому что решение уже принято.

– Вы не успеете...

– Че?! – колючие глаза и ствол переместились на него.

– Если сделаете это. Выезд отсюда только один. Придется оттащить трупы, а с ним особенно замудохаетесь, – Данилов кивнул в сторону, имея в виду толстяка.

Отрава ощерился в улыбке.

– Что, жить хочешь, мусоренок?

– А кто не хочет?

– Представляю, как радостно ты побежишь чирикать.

– Они уже знают, где вы. Через пять минут здесь будет спецназ. Пускай парень заберет у нас стволы и рации и запрет в магазине.

В колючие глаза смотреть было трудно, но Данилов увидел главное – решимость исчезла.

Словно прочитав мысли подельника, вперед вышел бандит в бейсболке.

– Ладно, жирный первый. Руки выше!

Данилов медленно выдохнул, а в следующую секунду случилась катастрофа.

Прежде всего, он (и, разумеется, бандит) среагировали не на резкое движение чернявого, который настолько увлекся игрой, что перед тем, как войти во двор расстегнул кобуру и

снял с предохранителя новый пистолет. Разумеется, в отличие от Данилова, он хорошо освоил его в тире. И теперь он жег ему под мышкой. Ему казалось, что он успеет. Просто должен успеть – иначе не бывает, если ты играешь в жизнь, ведь в игре ты главный герой. Возможно, он даже дома или в гараже тренировался быстро выхватывать его. И возможно он даже успел бы. Но его подвел писк смарт-часов.

В следующее мгновение раздался хлопок – не такой уж громкий. Данилов почувствовал запах пороха и тяжелый удар – это труп чернявого ударился о лист профнастила.

Сам Данилов к этому моменту приземлился в коридоре между забором и досками, и теперь отталкиваясь от земли ногами, пытался взять низкий старт и одновременно выхватить пистолет. Проклятая удобная, но незнакомая рукоятка пистолета Лебедева, вместо привычного ПМ. Вдавлив голову в плечи, он ждал обжигающего удара в спину, в поясницу, в позвоночник, в голову? Куда? Лучше в голову. Боль пугала. Его встретил кирпичный тупик, он ударился плечом, развернулся, удерживая пистолет и только сейчас понял – что-то уже происходит.

Он видел мертвого чернявого, который сидел к нему боком, уронив голову на грудь. Левая рука лежала на земле, на запястье оранжевым ободком мигал дисплей смарт-часов.

Он слышал громкие удары, мат, выстрелы, крики – короткие, приводящие в чувство, но только знакомый тонкий вопль толстяка вернул его в реальность.

– Игорян, тут свои, выходи!

Видя только труп чернявого, и удерживая перед собой пистолет, направленный стволом вниз, Данилов медленно вышел из своего укрытия. Первое, что он увидел на крошечной расчищенной площадке – труп Отравы. Великан лежал на спине с окровавленным лицом, согнув одну исполинскую ногу в колене, у которой стояла большая расстегнутая сумка, набитая пачками евро. Должно быть, она и раньше тут стояла, судя по каплям крови на верхних пачках, просто он ее не заметил. Справа у стены сарая стояли на коленях, заложив руки за голову, мужик в бейсболке и парень, который качал колесо, когда они вошли. Их на прицеле держал рослый спецназовец в камуфлированной форме и таком же броне. Лицо скрывала балаклава. Вот уж кому не повезло в такую жару, подумал Данилов. Мысли текли как-то вяло. Он понял, что видимо их спасли, но почему эти двое стоят на коленях, а не лежат на животе, закованные в наручниках?

– Бл...дь! – душераздирающе вырвалось справа. Данилов повернул голову. Рядом с трупом сидел спецназовец, держась за ногу, четырехглавая мышца выше колена пропиталась кровью.

Над ним склонился коренастый мужик в такой же форме, но без балаклавы.

– Кость не задета, артерия тоже, – сказал он, после чего развернувшись, устремил свое воинственное усатое лицо на Данилова и гаркнул, – оружие!

Данилов поспешно сунул пистолет в кобуру.

– Вы кто такие?! – сурово спросил черноусый. Данилов увидел две едва заметные подполковничьи звезды на погонах.

– Майор Данилов, отдельная рота патрульно-постовой службы...

Лицо подполковника сделалось раздраженным, он махнул рукой, не давая договорить.

– Понятно. Бардак! Как вас сюда занесло?

– Мы в дальнем заслоне. – Подал голос толстяк, с трудом поднимаясь. Вся грудь его насквозь была пропитана черным, что Данилов поначалу принял за кровь, но быстро понял, что это пот. Пот капал и с кончика его носа и подбородка.

– Кто у вас старший?

Данилов кивнул на чернявого.

– А теперь?

– Если по званию, то, наверное, я.

– Докладывали?

Данилов покачал головой. Раненый спецназовец снова выматерился.

– Оказывать первую помощь умеете?

– Я умею! Раньше работал санитаром! – заявил толстяк.

– Помоги ему.

– Тут скорая нужна.

– Разберемся! Пока перевяжи! – подполковник бросил быстрый взгляд на спецназовца, караулившего бандитов и

поманил Данилова, – иди сюда, майор.

Данилов подошел к раненому, стараясь не смотреть на труп чернявого рядом. Подполковник подтолкнул его еще ближе. Не убирая руку со спины Данилова, он вытащил кнопочный телефон и кому-то позвонил.

– Они у нас. – Заговорил он вполголоса. – Наш ранен. Жить будет. Еще кое-что. Тут ребята из районного. Откуда? Дальний заслон. Прибыли раньше нас. Двое, третий убит в перестрелке. Да, офицеры. Понятия не имею. Нет, думаю, не будет. Хорошо. Сообщу.

Данилов слушал, глядя как толстые пальцы ловко размазывают бинт.

Как только подполковник закончил говорить, у него захрипела рация.

– Пригород один, прием. Доложите...

Подполковник достал ее за короткую антенну и выключил, после чего внимательно посмотрел на Данилова, а затем также внимательно на толстяка.

– Мужики, – заговорил он также вполголоса, – скажу честно – никто не ожидал тут вашего появления. Думаю, вы и сами не рады потерять товарища, но своих никто не кидает. И я сейчас не о премиях и повышениях. Понимаете?

Данилов собственно начал понимать еще раньше, когда подполковник вместо вызова скорой сказал «разберемся», но теперь и другие детали выглядели не такими странными – например, почему спецназовцев здесь только трое или по-

чему, например, задержанные стоят на коленях без наручников.

– Вы о деньгах? – догадался Данилов.

Подполковник снова оценивающе на него посмотрел. Данилов не смотрел в ответ, он смотрел вниз, на руки толстяка, которые стали разматывать бинт медленнее.

– Здесь на всех хватит.

Данилов поднял взгляд выше, на лицо толстяка. Приоткрытый рот, пот на пухлых щеках, в глазах – огонь. Он явно не станет долго раздумывать. А Данилов? Нужно ли ему это все? Вернее так – есть ли у него выбор?

– Ну что, мужики, вы в деле?

Данилов и толстяк кивнули одновременно. После этого подполковник обернулся и кивнул спецназовцу, державшему на прицеле двоих бандитов. Тот мгновенно выстрелил в лицо мужику в бейсболке. Бейсболка слетела, мужик завалился. Парень как-то странно замычал, глядя на изуродованное хрипящее лицо упавшего перед ним подельника.

Данилову показалось, что он оглох на одно ухо. Он будто погрузился в воду, и все происходящее стало каким-то асинхронным. Подполковник рядом открывал рот, перепуганный парень, на которого перемещался ствол «калаша» тоже открывал рот, а голоса и крики долетали до ушей Данилов, как будто между ними было множество километров.

– Майор, – толкнул его в грудь подполковник, – очнись, времени в обрез!

Данилов не мог оторвать взгляд от парня. Он был совсем молод и только теперь он заметил, что мертвец перед ним был очень похож на него. Они были братьями, догадался Данилов.

– Как тебя зовут, майор? – подполковник схватил Данилова за руку.

– Игорь.

– Сам понимаешь, Игорь, раз мы теперь в одной лодке, работу надо разделить. – Подполковник кивнул на парня.

Данилов не понимал, вернее – отказывался понимать.

– Время, товарищ полковник, – пробасил спецназовец.

– Давай, майор.

Данилов медленно достал пистолет, заметив, что убирая его в кобуру, забыл поставить на предохранитель.

– Детали мы согласуем, – говорил подполковник, подводя его к парню, – сейчас главное работу закончить.

– Я за второй сумкой! – крикнул спецназовец и исчез за «Газелью».

Данилов стоял над парнем. Тот посмотрел на него заплаканными глазами и быстро опустил взгляд. Не хотелось бы ему еще раз увидеть этот взгляд, но он знал, что будет видеть его до конца. До своего недолгого конца.

– Давай, майор.

Данилов медленно поднял пистолет, нацелил в голову, которую парень как будто услужливо опустил.

Не больше двадцати точно, промелькнула мысль. И сле-

дом мимолетно вся жизнь – семью не выбирают, старший брат пошел по кривой дорожке и этот следом. Итог предскажем. Все равно либо смерть, либо тюрьма.

Парень вдруг снова поднял взгляд, чуть в сторону – на лицо подполковника, который тихо шептал ему в ухо:

– Чем меньше выстрелов, тем лучше, майор. Лучше в шею или в ухо.

Данилов едва разобрал змеиный шепот, а глаза парня округлялись, будто он хорошо слышал. Фантазия разыгралась. Рука с пистолетом задрожала.

Снова завывли сирены, уже гораздо ближе.

– Время, майор!

Ствол остановился напротив переносицы. Парень смотрел на него, не мигая, так и продолжая держать руки за головой.

Негнувшийся палец дернулся на спусковом крючке и заходил ходуном. Какой же мать его тяжелый и неудобный пистолет.

Слева неожиданно гроыхнул голос.

– Второй сумки нет, бл...!

– Как нет? – возбудился подполковник.

Спецназовец спокойно прошагал к парню и, игнорируя разыгравшуюся между ним и Даниловым драму, хлестко ударил парня по уху. Тот завалился, испуганно посмотрел на спецназовца.

– Где вторая сумка, пададь?! – спросил спецназовец и

ударил его в лицо.

Парень молчал, из носа его потекла кровь, но он продолжал внимательно смотреть на говорящую балаклаву, и тут Данилова озарила догадка. Округлившись глаза, когда подполковник шептал ему на ухо, пристальный считывающий взгляд и это странное мычание.

– Стой, Тимур, – подполковник ткнул Данилова в спину, – майор, шмальни ему в колено.

– Нет.

– Что нет?!

– Подождите. – Данилов сунул пистолет в кобуру, присел на корточки перед парнем. Затем к всеобщему удивлению выставил перед собой раскрытую левую ладонь, а правой сделал над ней круговое движение, одновременно сжав ее в кулак, после чего опустил кулак вниз, потряс им перед собой, поднял руку, коснулся пальцем своего виска и направил на парня. Все это он проделал за пару секунд.

Подполковник и спецназовец переглянулись.

Парень быстро задвигал руками, отвечая языком жестов.

– Под водительским сиденьем. – Сказал Данилов, поднимаясь на ноги.

Спецназовец бросился проверять.

– Ну, ты даешь, майор. Так и в судьбу начнешь верить.

– Есть! – раздался крик спецназовца, и вскоре к первой сумке прибавилась вторая.

– Заканчивай работу, майор, нам еще дел хватает.

Снова Данилов достал пистолет. Теперь его выстрела ждали все. Даже раненый спецназовец притих, правда, ненадолго.

– Да кончи ты уже эту суку! – заорал он, и следом снова завывла сирена уже совсем рядом – видимо на дороге за перелеском.

Данилов сжимал в руке пистолет, направленный в лицо парню. Парень будто перестал бояться его и сделал быстрый жест – приложил два пальца к виску и затем соединил их с двумя пальцами другой руки на уровне груди в виде скошенной буквы «Т».

Почему именно этот жест? – разозлился Данилов. Почему не «помоги» или «не убивай», почему этот?! Парень опустил лицо. Сукин сын знал, что сделал все что мог. Но почему этот жест?! Больше всего Данилов хотел просто все бросить и уйти – плевать ему на деньги и на все остальное, просто не хотелось так быстро перемещаться в ад. Он знал, что ад здесь ему обеспечен стопроцентный и теперь уже точно ему придется использовать баллон. Почему? Да потому что он трус, конечно же. Игра в жизнь. Вот во что он играл. И поэтому он не может все бросить – никто его уже не отпустит, не даст просто выйти через ворота или магазин. Он должен выбрать либо ад либо смерть. Но ведь есть еще что-то, не так ли? То, что ты держишь в руке.

Данилов резко развернулся, направил пистолет подполковнику в лицо. Черные усы опустились от изумления.

– Ты чего задумал, майор?

Рука тряслась. Так она не тряслась даже в худшие понедельники и при ознобе от «Дельты».

Справа быстрое «ягуарье» движение.

– Даже не думай! – Данилов перевел ствол на спецназовца и тот замер, успев только снять с плеча автомат, но не перехватить.

– Бросай!

– Вот же бл..дь мразина! – заорал раненый спецназовец.

– Ты же не идиот. Ну не можешь совсем ничего не понимать, если дослужился до майора, а? – заговаривал зубы подполковник, но Данилов держал на прицеле спецназовца, зная, что самый опасный сейчас именно он.

– Майор, у тебя рука трясется. Это алкоголь или нервы. Еще ничего не решено. Не хочешь марать руки – доделает твой напарник. Эта гнида все равно не жилец, ты же понимаешь. В тюрьме или здесь его зажмурят.

– Бросай.

Никакой реакции. Данилов перехватил пистолет двумя руками и нажал на спуск. Спецназовец заорал, хватаясь за раненую руку. Автомат болтался на ремне. Но стрелять правой рукой он точно не сможет, по крайней мере, прицельно. Оружие упало на землю. Прижимая простреленную руку, спецназовец попятился к кузову, осознав, наконец, что Данилов представляет угрозу.

– Паскуда! – орал другой спецназовец.

Черноусое лицо опасно плавало перед ним.

– Это все меняет, майор.

Данилов перевел на него ствол. Отдача у нового пистолета не такая импульсивная. Все уходит в руку. Она будто снимает напряжение. Но напряжение внутри росло вместе с завыванием сирены. Дальше-то что? Откуда эта хмарь и беспорядок в голове? Неужели самообман настолько действенная штука?

– Саня, ключи от тачки. – Данилов повел глазами, ища напарника. – Саня!

Взгляд наткнулся на серое осунувшееся лицо толстяка у забора.

– Придурок ты жирный, давай ключи! – заорал Данилов.

Толстяк зашевелился.

– Они у Романа!

– Давай.

Толстяк достал ключи из кармана чернявого – слава богу, быстро.

– Бросай в мою сторону.

Ключи упали посередине между ним и подполковником, куда-то в траву.

Ну что теперь? Справа опасность – спецназовец, у которого еще наверняка есть пистолет, спереди опасность – опытный командир спецназа, да и раненого со счетов нельзя списывать. Как подобрать ключи? Глупая ситуация. Сирена завывала с нарастанием – едут уже в их зоне. Но кто едет? Их

смерть или спасение? Ключи, сукин ты сын.

Неожиданно из-за спины выскочил парень, без единого шума, ловко подхватил с земли ключи и посмотрел на Данилова. Тот кивнул на ворота.

Данилов двинулся за ним, держа на прицеле подполковника. Тот медленно поворачивался, постоянно оставаясь обращенным к нему лицом. Под усами – злая усмешка. Глаза таили ярость: ну-ну, майор, давай поиграй, а потом наша очередь.

За воротами все та же густая тишина и безлюдье. У обочины синий микроавтобус. Данилов выстрелил в переднее колесо и, указав парню в сторону магазина, где стоял «Форд», развернулся к воротам, держа их на прицеле. Постепенно отходя все дальше и дальше, не понимая, почему они не преследуют его. Наконец, не выдержав, побежал. Запрыгнул одновременно с парнем в машину. В салоне еще стоял душный запах пота толстяка. Перед глазами движение. Данилов выругался про себя, поняв, что потратил время, не догадавшись, что преследователи пойдут через магазин.

Машина завелась, он бросил пистолет на торпеду, понимая с запозданием, что это глупо, пистолет упал, едва он рванул назад. Оглушительный удар – они въехали в столб, но зато дорога теперь перед ним. Врубив со скрежетом передачу, он утопил педаль газа, прижимаясь, будто это могло как-то спасти. Машина понеслась вперед, краем глаза он увидел, как кто-то выскакивает из магазина. Раздалась быстрая се-

рия хлопков, отозвавшихся звоном где-то сзади. Вылетая на дорогу, Данилов понял, что теряет управление, машину перекосило и повело вправо. Пробито колесо, догадался он. И не только – в зеркале заднего вида мелькнул зигзагообразный след вытекающего бензина. Зато стрелка нет, а они отъехали уже метров на пятьдесят, если выбежит на дорогу ему не попасть. Данилов сбросил скорость и кое-как стабилизировал управление.

В голове туман, мыслей никаких нет. Что дальше? Сам же говорил: кругом одни леса. Впереди Т-образный перекресток, за ним густой темный ельник. Единственный шанс.

Навстречу плотно, друг за другом неслись машины. Полицейская с работающим маяком, но без сирены, и черный «Мерседес».

Как только «Форд» с ними разъехался, раздался визг тормозов. Данилов бросил взгляд в зеркало – машины с визжанием разворачивались на узкой дороге. Значит смерть, понял Данилов. Не владея информацией из первых рук, такая быстрая реакция невозможна. Далекое с пробитым бензобаком и колесом ему не уехать. Первым его догнал полицейский «Форд Мондео». Попытался обойти слева, прижать к обочине. Данилова и так тянуло все время к обочине, он постоянно выкручивал руль, а теперь крутанул сильнее и вовремя, не давая обогнать. Машина ударила в дверь и завиляла.

Теперь догонял «Мерседес». Он сможет обогнать, лоша-

диных сил больше. Данилов увидел пассажира на переднем сиденье – крупная голова, залысины, возмущенное лицо. До перекрестка ему не дойти, а впереди за мостом еще долгий подъем.

Данилов дернул рычаг передачи, и благодаря «механике», сумел вырваться на треть корпуса перед мостом. Мост – одно название, просто сужение дороги над поросшей камышом лужей. По бокам бетонные блоки, отделяющие дорогу от подвоя тротуаров. Данилов рано дернул руль, но большего преимущества он не получит. Крен вышел слишком крутым, он уже понял, что вырулить обратно не успеет и вместе с «Мерседесом» влетит в бетонный блок и все же крутанул.

Машина нереалистично резко отозвалась на его движение, и он понял, что дело в пробитом колесе – в последний момент он успел уйти от столкновения, хотя машину снова стало дико швырять во все стороны. Но мост уже позади. Подъем затушил вихляние, и Данилов бросил взгляд в зеркало, помня о полицейском «Форде». Он увидел развернутый «Мерседес» на мосту, а за ним мигалку, и догадался, что «Форд» не успев затормозить, врезался в «Мерседес».

Позади уже половина подъема. Они успеют, точно успеют. Осталось только метров пятьдесят, пересечь дорогу и дальше лог за обочиной, длинный и глубокий. Вот где можно скрыться, но чтобы все сработало как надо, нельзя терять скорость. Он снова бросил взгляд в зеркало. Полицейская машина сдавала назад.

– Готовься бежать, – сказал он парню, забыв, что тот глухонемой.

Оставалась только дорога – такая же пустынная двухрядка с древним покрытием. Уже хорошо виден ельник впереди. У них неплохой гандикап. Без машины с таким отрывом в лесу их не догнать.

Только бы на дороге никого, мелькнула мысль. Даже незначительная потеря скорости смерти подобна. На всякий случай он вдавил кнопку сигнала на рулевом колесе, оглушительный протяжный гудок ворвался в уши.

Только бы на дороге никого, повторил Данилов.

Он понял, что им не повезло за секунду до того как седельный тягач «Урал» перечеркнул их надежды на спасение. Какого хрена, успел подумать Данилов.

Жгучая боль вырвала из небытия. Пищали датчики на все лады. Мир еще существовал, но только здесь, на крошечном островке посреди загадочной тишины. Предпоследний день августа, безоблачное небо, густой раскаленный воздух, застывший мир. Он почувствовал запах жженого пластика и еще чего-то, незнакомого. Преодолевая себя, Данилов оторвал голову от сработавшей подушки, замечая на ней пятна крови. Из-под капота за разбитым стеклом плотной завесой поднимался густой черный дым. Данилов посмотрел напра-

во и понял, что незнакомый запах – запах крови. Он увидел осколки костей черепа и фрагменты мозга. Мертвые глаза смотрели на него.

Мысли в голове тугие, медленные. Данилов с трудом понял, кто это, но все еще не мог понять, что он тут делает. С третьей попытки он открыл дверь, выбрался из машины, покачнулся, зажмурился от солнца. В паре метров неестественно перекрывал полосу седельный тягач.

Данилов вышел на пустынную дорогу, и поднял взгляд на небо – оттуда, с северо-запада на него шла ночь. Низкие черные облака растекались над землей как чернила, пожирая солнечный свет. В иссиня-черном небе зловеще вспыхивали бесшумные молнии.

– Молодец, майор, ты все сделал правильно, – раздался за спиной голос.

Данилов обернулся, и сокрушительный удар отправил его в черноту.

Глава 2

Он стоял перед распахнутыми створками арочного окна, не замечая холода ползущего по босым ногам. Ветер швырял в лицо ледяные капли ночного дождя, пока в голове звучала наспех придуманная молитва. Но слова – всего лишь слова, они разбивались о какую-то древнюю, недетскую уверенность в том, что мир больше не будет прежним. Будто громовые раскаты вдали с треском разрывали его. И он такая же умирающая его примета, как одинокий лист, пригвожденный к мокрому подоконнику. В эту ночь он узнает, что такое настоящий страх, и настоящее раскаяние.

Резкий стук заставил вздрогнуть. Не входная дверь, а гораздо ближе. Кладовка, догадался он и бросился из комнаты. – Сейчас!

Руки зашарили под ворохом одежды в поисках задвижки. За дверью встретила темнота. Нет, разумеется, не тот, кого детская вера в чудо поместила сюда, и даже не мешок, источающий мерзкий запах сгнившей картошки, не старые велосипедные баллоны и не пластиковые лыжи. Он сделал маленький шагок, затем еще один и еще, продвигаясь вглубь, во мрак, вобрал в легкие воздуха, намереваясь позвать по имени, но вспомнив, что это бесполезно, только медленно выдохнул. Пространство за дверью оказалось слишком большим для кладовки. Он давно уже должен пересечь соседнюю

квартиру, выйти из дома и дойти до ограды школьного двора. Босая нога наступила на что-то холодное. Он опустил взгляд, и увидел электронные часы «Монтана». Впереди раздалось фырканье, похожее на конское, но в нем уже ничего не осталось от мимолётного возбуждения. Его охватил ужас. Волосы зашевелились на затылке. Фырканье приближалось. Он с трудом, будто находился в воде, развернулся и побежал. Расстояние до распахнутой двери поразило его – до нее целая пропасть. Или футбольное поле. В далеком крошечном проеме посреди мрака он едва видел тумбочку, зимнюю куртку отца на вешалке, разноцветную циновку на дощатом, выкрашенном красной краской полу, и белую дверь в комнату, которая всегда закрывалась сама.

Он бежал изо всех сил, но дверь не приближалась. Неожиданно в проеме появилась невысокая крепкая фигурка. И прежде чем она захлопнула дверь, погрузив его в кромешную темноту, он узнал в этой фигурке себя.

– Данилов! – раздалось откуда-то сверху.

Он вздрогнул и открыл глаза. Капитан и сержант стояли за решетчатой дверью. Скучный свет падал на них из узкого окна.

– Данилов! На выход!

Он зажмурился и вытер губы рукавом. Сержант со скрипом открывал дверь.

– Руки!

Данилов встал, скрестил руки за спиной.

– Спереди. Поедешь.

– Куда? – глухо спросил Данилов.

– Не очухался еще, майор? В суд, меру пресечения тебе избирать! – усмехнулся капитан. – И суток не прошло, портянку на тебя уже прислали! Дорогу ты, видать, кому-то серьезному перешел. По моему опыту так быстро пакуют только по заказу. Обычно народ здесь сутками обитает.

Данилов молчал.

– Скорее всего, даже на обжалование не вернут, сразу в СИЗО, – говорил капитан, ведя Данилова по коридору к лестнице, – ладно, не мое дело. У нас ИВС все равно маленький, долго как «бээсника» в отдельной камере держать не могу. Тут и так под завязку.

Это Данилов и сам видел – в крошечных камерах подвального «обезьянника» сидели по три-четыре человека.

Его вывели в тесный двор, посреди которого стоял единственный автозак и передали конвоирам.

– Последняя партия. – Сказал капитан ему вслед. – Послеобеденная.

Несмотря на тишину, автозак был под завязку заполнен задержанными. Данилова поместили в один из двух «стаканов» – тесную камеру у выхода, в которых обычно перевозят женщин или бывших сотрудников правоохранительных органов. Он присел на железную табуретку. Рядом за стенкой приглушенно бубнили задержанные.

– Разговоры, бл...! – крикнул мясистый конвоир, стукнув

дубинкой по решетке.

Данилов принялся растирать виски – голова болела нещадно.

Когда автозак тронулся, стало легче, он упер колени в перегородку, опустил голову на стиснутые наручниками руки и стал снова погружаться в небытие.

Проснулся он от голосов, похожих на жужжание, в котором угадывался ропот и возмущение. В воздухе висел удушливый запах пота, усиливая общее тревожное чувство. Автозак стоял.

– Начальник, на суд опоздаем.

– Меня адвокат ждет, начальник.

На улице тоже голоса, Данилов повернул голову, попытался высмотреть что-то через прорезь в двери, но увидел лишь густую зелень.

Наконец, в салон поднялись двое конвоиров.

– Данилов! На выход!

Теперь тревога коснулась его, сразу скрутило внутренности.

Данилова вывели. Увиденное не предвещало ничего хорошего. Пустынная дорога – с одной стороны лес, с другой бетонный забор без тротуара. На обочине полицейский УАЗ «Патриот» с гербом управления собственной безопасности и

беззвучно мигающей «люстрой». Перед автомобилем – двое в «гражданке». Один крепкий с угрюмой рожей обитателя спортзалов девяностых, второй – настоящий великан «Каменная башка».

Угрюмый жестко обыскал Данилова, после кивнул конвоирам и те сняли наручники. Великан уже сжимал его руку, словно в слесарных тисках, и в следующее мгновение ловко набросил на нее браслет наручников.

Несмотря на устрашающий вид, великан вел себя как-то уж слишком деликатно и постоянно улыбался, но Данилов не верил в хороший исход. Опыт подсказывал, что поддельная вежливость часто используется, чтобы ввести в заблуждение жертву, перед тем как ее хорошенько напугать.

– Куда меня везут? – спросил Данилов, не особенно рассчитывая на ответ, но помня, что у него, по крайней мере, в теории должны быть какие-то права.

– На допрос.

Что тут скажешь? По большому счету, ему, конечно, было плевать. По крайней мере, так он себе говорил. Разве есть у него что-то, чем можно дорожить? Если терять нечего, то и бояться нечего. Тем не менее, повезли его не в лес и не на свалку. Попетляв по глухим дорогам какой-то промзоны, автомобиль вскоре выехал на большую трассу, в которой он признал Новорязанское шоссе. Почти сразу они миновали МКАД и, врубив «гирлянду», промчали Волгоградский проспект, обгоняя не слишком плотный поток.

В центре быстро запетляли по улочкам и переулкам, мимо знакомых развязок, кафе, станций метро. Данилов флегматично смотрел на промокший город, кишачий людьми, сплошь и рядом склонных к правонарушениям. Странно было наблюдать за всем этим, находясь в статусе задержанного. Он отдавал себе отчет, что скорее всего никогда больше не сможет пройтись по этим улицам, но это не вызывало в нем чувства безысходности. Его тошнило от города.

Автомобиль въехал в переулок, свернул в небольшой двор. Великан вывел Данилова, направился вместе с ним к непрезентабельной двери без крыльца, походившей на черный вход. Он успел прочесть на табличке: «Управление по организации дознания», но решил, что это ни о чем не говорит. И правда, его повели долгими однотипными коридорами в соседний корпус, оттуда в небольшой вестибюль, где Данилов увидел своего начальника и начальника своего начальника.

Оба полковника смотрели на него с негодованием.

– Данилов! – взорвался полковник Черкасов, который был его начальником – он был вспыльчивым и походил на футбольного тренера. – Ты что, мать твою, натворил, а?!

– Что вы тут делаете? – удивился Данилов.

– А ты как думаешь, засранец?!

Данилов не ответил – думать на эту тему ему совсем не хотелось. Впрочем, пообщаться им все равно не дали. В вестибюле за роторными турникетами появился мужчина в при-

таленном костюме похожий на банковского менеджера или сотрудника по борьбе с экономическими преступлениями и после несложных пропускных процедур в компании мужчин и великана всех повели по коридору, затем по лестнице на третий этаж.

Миновали отдельный внутренний блок охраны, каким обычно усиливают проходы в отсеки с большими начальниками. Именно у двери такого начальника их «делегация» остановилась. Из-за толкотни в коридоре Данилов не сумел толком ничего разглядеть. Лишь когда его вводили в просторную приемную, он успел прочесть на табличке у двери: «Заместитель начальника управления генерал-майор ЛИПАТОВ Виль Александрович».

Странное имя «Виль» отпечталось в сознании – почему уж тогда не Вилли? Но через пару секунд копания в памяти и несложных ассоциативных приемов пришло объяснение: имя образовано из инициалов вождя мирового пролетариата.

В кабинете из-за стола поднялась женщина в форме старшего прапорщика и направилась вместе с мужиком в костюме к двери слева.

– Привезли его, товарищ генерал-майор, – услышал Данилов и почувствовал необъяснимое волнение. Полковник Черкасов хмуро окинул Данилова взглядом, будто оценивая – не слишком уж его бывший подчиненный хреново выглядит.

– Заходите! – раздался громкий голос.

Данилова ввели в кабинет и сняли наручники. Великан тут же испарился. Генерал оказался крупным, темноволосым с большими внимательными глазами. Казалось, он вышлся над остальными, несмотря на то, что сидел за столом. Он сразу пристально уставился на Данилова и несколько секунд не спускал с него глаз. Станный взгляд, подумал Данилов. Не то, чтобы оценивающий, а будто увидал что-то диковинное. Но во взгляде не читалось агрессии, презрения или чего-то подобного. Кого-то напоминал ему этот генерал. Какого-то постаревшего актера из детства – из той тупой комедии, которую любил его отец и одноклассники, а сам он терпеть не мог. Данилов попытался вспомнить ее название, но ничего не вышло.

Помимо генерала, в кабинете за приставным столом сидели трое совсем не правоохранительного вида мужчин – крупнолицый седоусый толстяк, похожий на моржа – толстыми пальцами он перебирал комболои из черного янтаря. Рядом с ним за столом – невыразительный мужчина неопределённого возраста, а позади них примостился у стены совсем уж откровенный доходяга в толстых очках-окулярах, который постоянно улыбался и, несмотря на очки, выглядел сущим балбесом.

Затянувшийся взгляд генерала бывшее начальство Данилова истолковало по-своему.

– Докладывай! – шипел Черкасов, косясь одновременно

на Данилова и на генерала.

– Майор Данилов, – сообщил Данилов, не утруждая себя формализмом, и по привычке прищурил левый глаз.

Генерал едва заметно кивнул, и что-то похожее на полуулыбку на мгновение тронуло его губы. Он, наконец, перестал его рассматривать, и, положив руки на стол, где у него лежали какие-то документы, спросил слегка молодежавым голосом:

– Данилов, почему вы решили стать полицейским?

Полковник Черкасов вздохнул. Данилов молчал, терпеливо ожидая окончания театральной паузы. На риторический вопрос генерала, он понятное дело, отвечать не собирался – пускай своих подчиненных воспитывает.

– Здесь передо мной лежит копия вашего ответа на этот вопрос, – генерал взял в руки какой-то листок, – который вы дали в ходе профессионально-психологического отбора двадцать три года назад.

Генерал положил листок обратно и поднял взгляд на Данилова.

– Мы с вами оба знаем, что вы тогда соврали.

Данилов продолжал молчать, гадая об истинной причине его доставки сюда.

– Я понимаю, что ваше будущее вас не волнует. – Продолжал генерал. – Тем более, что теперь у вас его просто нет. В отличие от будущего ваших начальников.

Полковники бросили на Данилова гневные взгляды.

– Однако... так скажем, некоторый интерес вызывает ваше прошлое... – Генерал выудил очередной лист. – Вот, например, работая следователем с две тысячи четвертого года, вы направили двадцать восемь запросов в территориальные органы прокуратуры, МВД и ФСБ, связанных с делами о пропаже несовершеннолетних в Московской области в девяностых годах.

Начальники снова недобро поглядели на Данилова.

– В две тысячи восьмом году, – продолжал генерал, – в отношении вас проводилась проверка в связи с незаконным проникновением в служебное помещение и превышением должностных полномочий...

Генерал отложил лист, взял другой.

– В две тысячи пятнадцатом вы написали рапорт на перевод во второй специальный полк, после чего запросы рассылать прекратили.

Генерал поднялся и вышел из-за стола. Наверное, в молодости он был просто высоким, а теперь высоким и грузным.

– Чем вы занимались, Данилов?

Данилов молчал, и генерал-майор не стал требовать от него быстрого ответа. Вместо этого он развернулся, и слегка вытянув шею, стал пристально глядеть в окно, будто увидел там внизу что-то интересное.

Черкасов мимикой и энергичным движением рукой давал Данилову знак, чтобы тот немедленно отвечал.

– Это больше не имеет значения. – Сказал Данилов.

– Почему? – обернулся генерал. – Разве вы нашли то, что искали?

К удивлению Данилова этот простой вопрос застал его врасплох.

– При осмотре вашей машины был обнаружен баллон с гелием, а также вентиль с сифонной трубкой и кислородный шланг.

И на это Данилову сказать было нечего. Возможно, молчание и было ответом – генерал неспешно вернулся за стол и стал хмуро глядеть в бумаги.

Данилов ощутил прилив злости.

– Я повторю свой вопрос, Данилов, и если вы снова не ответите на него, мне придется ответить за вас. Итак, – генерал поднял взгляд, – почему вы решили стать полицейским?

Правильного ответа, видимо ждал не только генерал, но и начальники Данилова, расценившие вопрос генерала, если не в качестве спасательного круга, брошенного в их сторону, то хотя бы как проблеск надежды.

Особенно буйствовал Черкасов, который, в конце концов, не выдержал:

– Отвечай, Данилов! Простите, товарищ генерал-майор! Не понимаю, что на него нашло. Никаких нареканий, никаких предпосылок за семь лет! Не понимаю...

Его причитания заглохли, утонув в напряженной тишине. Затянувшееся молчание прервал генерал. Выудив с режущим в тишине шуршанием какой-то очередной лист, он за-

читал:

– Данилов Максим Николаевич...

Сердце у Данилова забилося сильнее. Начальники нахмурились, услышав знакомую фамилию, но незнакомое имя.

– ... шестого августа тысяча девятьсот восемьдесят четвертого года рождения...

Генерал посмотрел на Данилова, которому с каждым мгновением все труднее удавалось скрывать волнение.

– При рождении был поставлен диагноз – дисплазия Мондини. Единственный симптом – глухонмота.

На этот раз все посмотрели на Данилова, даже ботан-балбес.

– Двадцать четвертого октября девяносто пятого года в возрасте одиннадцати лет... ушел из дома и не вернулся. Местонахождение с тех пор – не известно.

– Данилова Ирина Юрьевна, – после небольшой паузы продолжил читать генерал, – двадцать седьмого октября девяносто пятого года железнодорожная платформа Расторгуево. Самоубийство.

Что тут скажешь? Генерал оказался неплохо осведомлен о том, что было когда-то его семьей.

– Данилов Николай Анатольевич. Вот о нем информация отсутствует, – генерал пристально посмотрел на Данилова, – можете восполнить этот пробел?

Данилов был зол – к чему этот спектакль? Но здравый смысл заставил его взять себя в руки. В конце концов,

неспроста он доставлен сюда и неспроста задаются эти вопросы. Это совсем уже не походило на расправу или устранение ненужного свидетеля. Все это больше напоминало какую-то проверку. Да и Данилов Николай Анатольевич – не был тем, воспоминаниями о ком он дорожил. Да, он собирал информацию и о нем и выяснил, что он был убит в результате разбойного нападения в две тысячи четвертом году в Ростовской области. Как его туда занесло? Данилов понятия не имел и даже разбираться в этом не хотел. И все же почему-то именно теперь, он по-настоящему осознал, что был единственным выжившим в их неудачливой семье и ощутил как это ни банально – горечь одиночества. А что же Макс? Впрочем, к чему себя обманывать, повторил он мантру последних лет.

– Он бросил нас, – сказал Данилов.

– Когда?

– Между двумя этими событиями.

Генерал поджал губы, кивнул.

– Ну, и наконец, Данилов Игорь Николаевич. Пятого июля тысяча девятьсот восемьдесят второго года рождения. Место рождения – город Видное, Московская область. Хм. – Генерал вскинул удивленно брови. – А ведь мы, знаете ли, почти земляки. В тех местах я начинал карьеру участковым. Поселок Володарского. Знакомо?

Генерал улыбнулся, видимо вспоминая молодые годы, взгляд его, устремленный на Данилова, потеплел, что при-

ободрило полковников.

– Так точно.

Сидевший слева от генерала за приставным столом усатый толстяк, похожий на моржа как-то неестественно кашлянул.

Генерал метнул на него быстрый взгляд.

– Ладно, Данилов, – заговорил он чуть быстрее обычно-го, – как вы уже, наверное, сами догадываетесь, у нас к вам есть предложение...

Данилов глубоко вздохнул, а полковники наострили уши.

– Учитывая серьезность ваших деяний и не менее серьезные последствия, причем не только в отношении вас, существует большая вероятность, что на свободу вы никогда не выйдете. С другой стороны, – сменил интонацию генерал, – у нас есть основания считать, что сотрудники полиции, пострадавшие от ваших действий тоже станут фигурантами уголовных дел. В отношении них сейчас проводится проверка. Однако персонально вам, можно сказать повезло – у вас есть единственная возможность реабилитировать себя и помочь своим начальникам сохранить должности.

Черкасов тут же грозно посмотрел на Данилова.

Так вот зачем их вызвали, подумал Данилов – давить на него. Ничего хорошего Данилов не ждал.

– Это Станислав Львович, – генерал указал на «моржа» с янтарными четками, заслуженный врач и профессор института... Как там, простите?

– Института морфологии, – подскочил ботан с заднего стула.

Сам «морж» как настоящий морж только приоткрыл рот и уставился в потолок, будто у него была легкая степень слабоумия.

– А это Петр Моисеевич, полковник медицинской службы.

Полковник медицинской службы с невыразительным лицом молча кивнул.

Ботан слегка привстал, но его генерал представлять не стал.

– Дело в том, что в рамках нового пятнадцатого приказа, он, кстати, секретный, мы обязаны интегрировать последние научные открытия в области когнитивной нейробиологии в повседневную работу оперативных сотрудников... Правильно? – генерал посмотрел на «моржа», но тот лишь бессмысленно смотрел на него в ответ осоловелым взглядом.

– Совершенно верно! – снова подскочил ботан. – Неинвазивные методы совершенствования мозговых процессов позволят сотрудникам полиции повысить эффективность работы почти на сорок процентов!

– Да-да, в общем, это вроде как безопасно. И ваше согласие на участие в этом... курсе будет приветствоваться, как вы понимаете. Добровольные участники у нас согласно тому же приказу имеют право рассчитывать на некоторые, хм... скажем так, льготы. В вашем конкретном случае вы даже мо-

жете вернуться на службу. Правда, в пониженном звании.

Черкасов закивал, и посмотрел с такой мольбой во взгляде, что Данилов не выдержал и опустил глаза.

Уловка с приводом начальников надо признать была эффективной.

Начальников Данилова отпустили раньше, напомнив об ответственности за разглашение тайны. Самого Данилова передали в ведение «моржу» и велели ждать за дверью, но перед тем как покинуть кабинет, генерал подошел к нему, заглянул в глаза и сказал зачем-то:

– Не подведите.

Данилов сидел в комнате секретаря, прислушиваясь к бубнящим голосам за дверью. Справа секретарша – женщина лет сорока в форме старшего прапорщика поливала цветы на подоконнике из пластиковой бутылки. Данилов подумал, что все это довольно странно – он задержанный по подозрению в тяжком преступлении сидит тут без охраны и даже без наручников. Бардак в этом управлении. А что если он встанет и тем же путем выйдет из здания? Только Данилов подумал об этом, как обе двери открылись – в одну вошла группа офицеров, направлявшихся в кабинет к генералу, а из кабинета им навстречу вышла «делегация» странноватых врачей.

Данилов ждал, что теперь им займутся, но странная трои-

да на него даже не взглянула. В толкотне Данилов едва поймал «моржа» у выхода.

– Простите, мне ждать?

– Что? – заслуженный врач и профессор в одном лице уставился на него бессмысленным взглядом, только комболой в его руках стали звонче стучать.

– Это участник эксперимента, – пояснил ботан.

– Ах да, – спохватился «морж» и стал беспомощно глядеть по сторонам.

По симптомам похоже на деменцию, хотя по возрасту еще рановато, подумал Данилов, этому врачу явно самому помощь медицинская нужна.

– Наташа! – вдруг закричал «морж», словно престарелый пациент зовущий санитарку. – Наташа где?!

После этих слов «морж» направился к выходу.

Данилов нахмурился и больше приставать не стал.

– Короче ждите Наташу, – сказал ботан, перед выходом.

– Здесь ждать?

Ботан пожал плечами и покинул комнату вслед за своими странными коллегами.

Интересно, подумал Данилов, присаживаясь на стул, и было бы даже забавно, если бы не переполненный мочевой пузырь. Он покосился на секретаршу, которая копалась в ящиках стола. А впрочем, станет ли она поднимать шум, если он выйдет из комнаты? Данилов помнил, что охрана на этаже только перед входом в пожарный отсек, а здесь, на этаже на-

верняка есть туалет.

Он встал, направился к двери, слыша за спиной только стук ящиков и шелест документов, протянул руку к дверной ручке, но дверь открылась сама. На пороге стояла миловидная девушка. Она была бы совершенно неотразима, если бы не слишком вытянутая нижняя часть лица. Впрочем, все испугало ее сияющее обаяние.

– Вы от Станислава Львовича? – улыбнулась она.

Девушки в деловых костюмах так улыбаются только ви ай пи клиентам. Данилову стало стыдно за свою грязную одежду и запах пота.

– Вы Наташа?

– Совершенно верно, – продолжая улыбаться, девушка перешла на деловой тон, – вы должны ознакомиться с договором и подписать.

– Ручка есть?

– Читать не будете? – девушка протянула ему авторучку «Паркер».

– Рад бы, но я тороплюсь.

Девушка улыбнулась, очевидно, неверно интерпретировав его шутку. Видимо она и в самом деле не в курсе, что он задержанный.

Данилов быстро подписал, краем глаза успев заметить только свою фамилию, какую-то сложную аббревиатуру с буквами ФБУЗ ГНАУ НИТЦ и прилагательное «морфогенетический».

Девушка протянула ему лист бумаги с бледной распечаткой фрагмента карты. Жирной красной линией был выделен дом, а стрелка указывала на «Подъезд №3».

– Завтра в девять часов устроит? – спросила Наташа.

– Вполне.

Девушка подписала на листе «9-00», после чего протянула ему лист, с улыбкой пожелала удачи, и развернулась.

– Это все? – удивился Данилов.

Девушка задумалась на секунду.

– Ах да, рекомендуется сегодня не употреблять в большом количестве крепкого алкоголя.

После этого Наташа ушла, а Данилов, сосчитав до десяти, выскочил следом, решив, что даже если секретарша поднимет шум, он все равно добежит до туалета. Однако шум никто не поднял. Данилов вышел в пустой коридор, в конце которого действительно обнаружил уборную. С наслаждением простояв над писсуаром целую минуту, он помыл руки, лицо, посмотрел на себя в зеркало. Смех за окном привлек его внимание. Он подошел и увидел на улице великана, который вез его сюда. Тот соединил руки в индуистском приветствии, поклонился кому-то и захохотал. После чего прыгнул в сияющий «Mercedes GLK» и, рванув с места, укатил из поля зрения.

Во дворе стало тихо. Погода была прекрасная – немного облачно, нежаркое солнце отражалось в зеркальных лужах, свежий ветер раскачивал березовые кроны. Из окна был ви-

ден переулочек, церквушка, какая-то женщина шла по тротуару с болонкой на руках. Данилов почувствовал некое подобие возрождения вкуса к жизни и даже что-то похожее на азарт. Все-таки свобода не так уже плохо, даже если ты сам себе судья.

Он вернулся в комнату с секретаршей, но та встретила его недовольно.

– Вы что-то забыли?

– Мне сказали ждать здесь.

– Кто сказал?

Данилов кивнул на дверь кабинета с генералом.

– А, ну тогда вы можете подождать в коридоре.

– Вы уверены, я вообще-то... – Данилов хотел сказать «задержан», но не стал этого говорить. – Может вам лучше уточнить у товарища генерала?

– У него совещание. А я уйду на обед. Извините.

Данилов вышел в коридор, посмотрел на скучающего дежурного при входе в блок. Дверь была открыта настежь, дежурный пялился в смартфон.

– Да ну к черту! – рассердился Данилов и направился напрямиком к выходу из блока.

Дежурный даже головы не поднял, когда он прошел мимо. Данилов спустился по лестнице в вестибюль. Дорогу дальше преграждали роторные турникеты.

Если не остановят, просто пойду домой, решил Данилов, подходя к турникету. В окне «аквариума» возникло лицо.

Флегматично взглянув на Данилова, оно отвернулось, и в следующую секунду раздался писк разблокировки. Оставшиеся метры до выхода Данилов ощущал, как адреналиновые волны прокатываются по всему телу. Так вот что испытывают те, кому удастся сбежать из тюрьмы. Ощущение, действительно, незабываемое.

Данилов вышел из здания, прошел по переулку и оказался на Садовом кольце. Он все еще наслаждался необычным ощущением и, невзирая на начавшийся дождь, пошел домой пешком. Что ему еще оставалось делать? У него не было ни денег, ни телефона, карманы его были совершенно пусты, но чувствовал он себя на удивление прекрасно.

До сталинского дома в Сокольниках, где в коммуналке на девятом этаже у него была комната, он добрался за полтора часа насквозь промокший.

Дверь ему открыла десятилетняя дочка соседки.

– Ты что, Игорь, ключи на работе забыл? – спросила она, копируя интонацию матери.

– Потерял, – сказал он, потрепав ребенка по голове, – ты в глазок посмотрела?

– Я тебя по походке узнаю.

– И как это ты узнаешь?

– Ты еле ходишь, как старик.

– Никогда не замечал, – усмехнулся Данилов, сунув руку в карман старого пальто на вешалке, где лежали дубликаты ключей, – и давно это у меня такая походка?

– Всегда, – вздохнула девочка.

Данилов почти час пролежал в ванной, периодически спуская остывшую воду и прибавляя горячей. Поужинал найденным на подоконнике «Дошираком» со вкусом говядины, поглядывая в крохотный телевизор, по которому шла передача о первобытных племенах в Индонезии. Затем выкурил в сгущающийся вечер сигарету и, оставив окно открытым, лег на диван, укрылся пледом и под звуки дождя и раскатов грома проспал до утра.

По улице, обозначенной на карте как улица Уткина, пронеслась очередная машина скорой, Данилов обернулся и снова посмотрел на окруженное строительными лесами невзрачное здание. Он уже трижды обошел его, но так и не сумел найти подъезд №3. На нужном фасаде размещалась лишь одна непритязательная дверь, утопленная в цоколь, которую он случайно обнаружил под пыльной строительной пленкой, свисающей с верхних подмостей. Все прочие двери в этом здании были закрыты, строителей он не нашел, на него только косился охранник у расположенного рядом шлагбаума.

– Где тут больница, дружище? – поинтересовался у него Данилов, решив, что просто перепутал здание.

– Больница? – озадачился охранник.

– Ну, или клиника, медицинский центр, что-то по этой части.

Охранник задумался, что не очень понравилось Данилову.

– А, там психиатрическая клиника есть.

– Где?

– Там, – махнул он рукой в сторону промзоны, – две остановки на трамвае проехать и во дворах.

Данилов хмуро заглянул в карту. Что-то совсем не то. Судя по плану – место, в которое он должен прибыть, располагалось именно здесь. Он только сейчас заметил – на плане никаких названий и номеров телефонов, только стрелка к подъезду и время – 9:00.

– А в этом доме что?

Охранник поглядел на вытянутую кирпичную трехэтажку с ленточными окнами.

– Хрен его знает, тут ремонт постоянно.

На часах уже четверть десятого. Может просто поехать домой и позвонить на работу Черкасову? Пускай разбираются. Данилов представил, как расстроится начальник и для очистки совести решил все-таки проверить цокольную дверь.

К его удивлению дверь поддалась, правда ничего намекающего на медицинский центр за ней не обнаружилось: на полу голая стяжка, стены без отделки, свисающие провода, у стены пластиковые ведра, строительный мусор, рулоны ру-

бероида и сложенные в ряд мешки с цементом.

– Эй! – крикнул Данилов. Эхо покатилося во все стороны. В глубине помещения, за колоннами он заметил дверь. За ней обнаружился темный коридор – тоже сплошь заваленный стройматериалами. Под потолком криво свисала простая тусклая лампочка.

Одна из дверей слева была открыта, оттуда падал яркий свет, как от переносного прожектора. Данилов подошел и увидел женщину в садовом комбинезоне, она сидела на табуретке перед верстаком спиной к нему. Волосы черные, в ушах наушники. Данилов услышал дребезжащие звуки музыки.

– Эй! – Данилов постучал по косяку.

Женщина обернулась, вынула из уха один наушник.

Мигрантка, разочарованно подумал Данилов. Черные глаза смотрели непонимающе.

– Я ищу Станислав Львовича.

– Кого? – спросила женщина без малейшего акцента.

– Это медицинский центр?

– Нет.

– Мда, – Данилов поднял лист, – наверное, все-таки напутали с адресом.

– А кто вы такой?

– Да неважно, – махнул листом Данилов, – сказали приходить к девяти.

– Можно взглянуть?

– На лист? Пожалуйста. – Данилов протянул мятую бумажку подошедшей девушке. Кожа у нее была гладкая, глаза большие и ясные.

Не азиатка, подумал Данилов, скорее на цыганку похожа.

– А-а, – протянула вдруг девушка, поднимая на него серьезные глаза, – вы по адресу, но я думала вы позже придете.

– Тут написано в девять.

– Да, хотите чаю?

– Чаю? Ну, пожалуй.

Девушка вернулась к верстаку, и, повозившись там немного, принесла крохотную глиняную чашку. Чай оказался, хотя и приятным на вкус, с каким-то цветочным ароматом, но был слишком остывшим для того, чтобы предлагать его в качестве угощения. Полицейский инстинкт подал запоздалый сигнал. Данилов ощутил тяжесть в затылке и почти сразу настроение его заметно, и главное совершенно беспричинно улучшилось.

Девчонка очевидно цыганка, из какой-нибудь особой касты, уж слишком благородно держится – смотрит прямо, на шутки не улыбается, глаза умные, на лице никакой косметики, но красива какой-то чужеродной загадочной красотой.

Пока Данилов разглядывал ее, девушка забрала со стола ключи.

– Идите за мной.

– А этот эксперимент, его уже кто-нибудь... – Данилов потерял мысль и стал смотреть на гибкую фигуру идущей перед

ним девушки. Комбинезон обтягивал ее идеальные бедра.

– Это просто набор умных фраз, не забивайте голову, все намного проще.

Данилов впервые уловил в ее голосе легкий акцент.

Девушка остановилась у обшарпанной двери, открыла простой английский замок и зажгла свет в виде очередной свисающей с потолка лампочки.

Посреди крошечной невзрачной комнаты стояло кресло с покато́й спинкой и подставкой для ног, напомнившее Данилову «пыточную» стоматологию из его раннего советского детства. Советскому же антуражу соответствовала нависающая над изголовьем пластмассовая сфера, напоминавшая сушуар, при помощи которого советские женщины делали «химию».

Дерматиновая обшивка на кресле была порвана в нескольких местах, демонстрируя желтоватые фрагменты лоснящегося поролона.

– Присаживайтесь, – сказала девушка, и поскольку кресло в комнате было только одно, Данилов забрался на «пыточный атрибут», чувствуя при этом накатившую слабость.

– А сколько занимает эта... процедура? – спросил он слегка заплетающимся языком.

– Минут пять.

– Каждый день?

– Нет, просто пять минут, – девушка надвинула ему на голову сушуар.

Он смотрел, как вздымается ее грудь прямо перед его лицом и поднял взгляд выше, на ее нежную кожу под подбородком. Девушка с усилием нажимала какие-то тумблеры на сфере, которые отзывались громкими щелчками в его голове.

– А потом?

– Потом мы отправляем результаты в наш офис в Дели.

– В Дели?

Данилов заметил, что ноги и руки его отяжелели, он попробовал пошевелить рукой, движение давалось с большим трудом. Но при этом он не чувствовал никакой угрозы, разум окутал туман.

– Вы знаете, я ведь из полиции.

– Ничего страшного, – девушка подошла к столу у стены, на котором стоял допотопный ламповый монитор.

– Не беспокойтесь, это не больно, – сказала она, заметив, что он пытается двигать руками.

– А на что это похоже?

– Ну, трудно это описать. Чисто физически вы ничего не почувствуете.

Данилову трудно было сконцентрироваться. Девушка склонилась над монитором, принялась резво стучать по клавишам.

– Уже началось?

– Сначала я задам несколько коротких вопросов. Ничего сложного, это нужно для выбора режима. Вы готовы?

– Наверное...

– У вас бывали травмы головы?

– Хм. Точность ответов важна?

– Желательна.

– Возможно, недавно. Меня ударили, и... я попал в аварию.

– Хорошо. У вас есть братья или сестры?

Данилов попытался вспомнить, но выходило с трудом. На темном потолке мерцали крошечные огоньки, похожие на северные звезды.

– Вы знаете, доктор... Хотя, вы ведь не доктор, верно?

– Можете звать меня Агнесса.

– Агнесса, вы задаете на самом деле сложные вопросы.

– Вы шутите? – обернулась девушка.

– Мой брат пропал без вести. Как я должен ответить на этот вопрос? Есть он или нет? Зависит от наблюдателя как с этим котом в ящике, как его...

– Я поняла. Ладно, тогда последний вопрос: сколько языков вы знаете?

– Ну, русский, и английский... Несколько слов. Могу заказать номер в отеле, спросить, как вас зовут, это считается?

– Думаю, нет. Хорошо.

Девушка снова повернулась к монитору.

– Хотя, подождите! Я знаю язык жестов.

– Серьезно?! – девушка с удивлением посмотрела на него. – Вы знаете его хорошо?

– Неплохо, я учил его много лет. Я понимаю этот язык.

– Вы работаете с глухонемыми или дело в ком-то из ваших близких?

– Второй вариант. Мой брат.

– Тот, что пропал?

– Да.

– Вы общались с ним на этом языке?

– В том-то и дело, что нет.

Данилов вдруг почувствовал ком в горле. Оказывается дело не только в физической слабости, он как-то и душевно обмяк. Захотелось жаловаться на жизнь.

– Я был... То есть, это из-за меня случилось.

– Он пропал из-за вас?

– Дело в том, что я был очень плохим старшим братом. Я ненавидел его, как дети ненавидят тех, кого больше любят родители.

– Ну, это нормально...

– Я разбрасывал его карандаши, рвал его тетради, раздавал ему подзатыльники. Но больше всего я любил запирать его в кладовке на несколько часов, когда родители были на работе...

Данилов почему-то не мог остановиться и продолжал говорить, совершенно не задумываясь, зачем это делает.

– ... и он всегда терпел, как будто... как будто это была для него какая-то миссия. Вы знаете, что такое провести запертым в темноте, особенно если ты ничего не слышишь?

Нет, это ненормально, Агнесса. Быть таким подонком ненормально. Я думал он железный, но в тот день его терпение лопнуло. Ночью мы остались вдвоем, отец ушел к любовнице, мать в ночную смену, а накануне мне влетело, и я решил устроить ему маленький освенцим. Я зашел в комнату, где он сидел и...

Данилов понял, что в глазах у него стоят слезы, только когда увидел расплывающуюся Агнессу, которая стояла перед ним, скрестив руки.

—... я увидел только открытое окно. Он сбежал. И с тех пор я никогда его больше не видел. Никто его больше не видел. Нет, я никогда с ним не говорил на языке жестов. Я выучил его потом, чтобы когда я найду его, чтобы... чтобы...

— Попросить прощения?

— Вы очень проницательны, Агнесса, а я как-то стал слишком болтлив. Скажите, что было в чае?

— Это обычный индийский чай.

Данилов улыбнулся, несмотря на слезы.

— А знаете, что хуже всего, Агнесса? Что он никому не мог даже толком пожаловаться. Родители ведь не знали его языка, только мать пыталась что-то учить, но ей всегда не хватало терпения. И он не жаловался. Никогда не жаловался, и меня это бесило еще больше, как будто он был лучше меня... Он и был лучше меня.

Агнесса перед ним стала превращаться в какую-то волнообразную субстанцию, и это уже было трудно списать на сле-

зы.

– Я не чувствую ног и рук, но это не важно. – Данилов еле ворочал языком. – Я хотел сказать, что... Мне жаль, в заднем кармане джинсов двадцать пять тысяч рублей. К сожалению это все. Я много болтаю. Так и должно быть?

– Это абсолютно нормально. – Раздался голос как будто со всех сторон одновременно.

– А эта процедура... Она скоро начнется?

– Она уже почти завершилась.

Данилов усмехнулся.

– А я... а я почти ничего и не заметил.

– Совсем ничего?

– А должен был?

– А вы приглядитесь.

И он пригляделся.

Глава 3

Первую часть слова он слышал, еще созерцая голые бетонные стены, а вот мягкое «тесь» уже поднялось над огромными тенями и исчезло в бездне над головой. Холод – первое, что он почувствовал. А следом инстинктивный испуг, оттого что нечто настырно царапало ему щеку.

– Агнесса! – позвал он. – Что это?

Началось, мелькнула тревожная мысль. Впрочем, на что он рассчитывал? Безопасность, льготы... Держи карман шире. В лучшем случае его просто ограбили, а в худшем испытывают какую-то психотропную дрянь, которая превратит его в овощ.

Хотелось опереться на что-то, чтобы скорее все встало на свои места и обрело пускай даже неприятный смысл. Его пугала темнота и ощущение огромного живого пространства над головой. Он замахал руками, защищая лицо. Нечто холодное влажное вступило с ним в вялую борьбу. Он зажмурился и, прижав подбородок к груди резко сел и понял, что борется с веткой молодого клена. Под ним – влажный ковер из травы и опавших листьев, а живая бездна над головой – ночное небо, в котором бесшумно двигаются верхушки облысевших деревьев.

Агнессы не было. И никакой комнаты не было. Он находился в осеннем лесу. То, что именно в осеннем, понял по

его молчанию. Но не в глухом, а на опушке. За шпалерой из плотных кустов сквозь туман просвечивали равноудаленные огни уличных фонарей. Данилов поднялся, поражаясь как легко ему это удалось, потрогал промокшие штаны. Штаны? Дешевая дешмань, вроде болони. Он пригляделся, но ничего не увидел в темноте. Видимо действие псилоцибина или другой дряни – он ощущал невероятную легкость.

Выбравшись из цепляющих зарослей, он прошел по мокрой крапиве и очутился на рыхлой тропинке. Данилов уже понял, что вдоль леса тянулась дорога, а теперь за туманной пеленой различались тусклые прямоугольники света, отмечая версию об ограблении и вывозе его в лес. Тропинка ныряла под плотный полог, выводя к дороге, но путь неожиданно преградили качели. Качели самые обычные, железные – ничего странного, кроме того, что они находились в лесу. Такую странность, он наблюдал только в детстве – такие же кривоватые качели на опушке у Медицинской улицы, на которых он умел раскачиваться «солнышком». Эти тоже как будто низкие и кривоватые. Данилов потрогал железную стойку, она была шершавой и влажной. Странное ощущение дежа вю накрыло его.

Выйдя из леса, он оказался посреди пустынного Т-образного перекрестка. По усеянному лужами переулку на него бесшумно плыл допотопный «рафик». Данилов шагнул к заросшему тротуару, но фургон свернул куда-то в «дома», мелькнув на борту расцветкой «скорой помощи».

Слева за газоном с парковкой возвышалось безликое здание, напоминавшее штаб небольшой армии. Напротив, за палисадниками пряталась пара трехэтажных домиков с арочными окнами. Такие домики на двенадцать квартир нельзя не узнать. С них все и началось. Туман в голове рассеялся, все вокруг обрело удивительную ясность. Он словно стал видеть в «глубину». Данилов вздохнул и опьяненный воздухом, содрогнулся. Он знал этот переулок и кирпичные трехэтажки. Знал и здание похожее на штаб, и «скорую помощь» за ним, хотя отсюда ее не видел. Но он видел ее раньше, много лет назад, когда искал мать – белое одноэтажное здание, у ворот которого упитанный врач протянул ему часы «Монтана», которые снял с руки матери перед тем, как отправить ее тело в морг. Это был город его детства. Город, в котором он не был с тех пор, как это детство закончилось.

Он посмотрел в конец переулка – туда, где в темноте, развернутая углом к лесу, пряталась такая же трехэтажка и побежал прямо по лужам, залитым светом ночных фонарей. Он уже видел небольшую площадь – очерченный уличными хордами пятачок, на котором в далеком цветущем июне он совершил свое первое в жизни ДТП – не успел увернуться на своем «Орленке» от бывшего директора школы, и тут же расплатился за это укусом его овчарки.

Данилов перешел на шаг, глядя перед собой и едва за яблонями показался угол кирпичного здания и первые два окна на первом этаже, в одном из которых – на кухне, горел

электрический свет, снова побежал.

Случайно (хотя Данилов подозревал, что по памяти) он отыскал скрытый в кустах выход к отмостке перед крошечным диким садом, в котором царствовала груша с мелкими, но сладкими плодами и совсем уже сбросив шаг, неслышно, словно боясь обнаружить себя, подошел к первому окну. В бывшей комнате родителей кто-то смотрел телевизор. Хотелось заглянуть туда, но первый этаж был слишком высоким – намного выше, чем говорила память. Зато в соседнем окне он увидел и тотчас узнал грязный желтый плафон под закопченным потолком, сразу вспомнив холодные сентябрьские утра, в которых дрожал в тусклом свете, пытаясь согреться у газовой плиты. Он увидел и верхушку белоснежного буфета, заставленного обычно жестяными коробочками. Удивительно, что его до сих пор не выбросили. Данилов положил руки на подоконник, и ему показалось, что это совсем не его руки. В следующее мгновение за окном погас свет.

Увиденное взволновало его. Захотелось попасть в квартиру, или хотя бы в дом, хотя на двери теперь наверняка установлен замок с домофоном. За спиной раздались шаги, он убрал руки с подоконника и пошел вдоль фасада. Дойдя до угла, обнаружил самодельную скамейку, на которой всегда сидели старики, а рядом проем в ограде школьного двора, через который он обычно срезал дорогу к школе. Время здесь будто остановилось. Он попытался вспомнить, сколько прошло лет, но увидев старую дверь подъезда, позабыл обо

всем. Никакого домофона здесь не было, и быть не могло. Это была та самая деревянная дверь, с обычной пружиной вместо доводчика, которую отстёгивали летом.

Рука легла на знакомую ручку, потянула на себя, ушей коснулся знакомый скрип, а ноздрей запах жареного лука – извечный запах этого подъезда. Тусклый свет, как в солдатской бане, зеленые стены в «человеческий рост», мелкая шашечная плитка, почтовые ящики на торцевой стене, зарешеченный вход в подвал, где у каждого квартиранта имелся свой погреб. Каждый миг, каждый запах, каждая деталь густо дышали прошлым. Это дыхание пьянило, он просто не в состоянии был справиться с таким мощным потоком оживающего прошлого.

Данилов поднялся на площадку первого этажа и остановился у двери второй квартиры. И здесь все по-старому. Та же, выкрашенная темно-бордовой краской дверь. Те же царапины на косяке, оставленные велосипедами. Тот же цветной коврик, под которым мать легкомысленно оставляла для них ключи, пока не догадалась бросать их в почтовый ящик.

Он взялся за дверную ручку и тотчас с удивлением поднес руку к глазам – длинные гибкие пальцы, загорелая кожа, еще без шрама на тыльной стороне, мозоли на подушечках и фалангах. Данилов стал судорожно ощупывать лицо. Слишком нежная кожа, слишком упругая, никакой щетины и второго подбородка. Густая шевелюра. Неужели такое возможно? Нечто похожее одновременно на ужас и дикую ра-

досьт столкнулись в нем, он отшатнулся, и следом очередная догадка едва не свалила его с ног. Он захлопал руками по одежде и в переднем кармане болоневой куртки нашел то, что там и должно было быть.

По лестнице кто-то спускался. Данилов не хотел, чтобы его видели, он был уверен, что пребывает в тяжелом наркотическом сне, и искренне боялся, что его оборвут. Только не сейчас, повторял он про себя, доставая связку ключей на брелке-медальоне с логотипом «Ауди». Но встречи не избежать.

Данилов обернулся. Худой мужчина похожий на молдаванина с раскосыми глазами спускался, не глядя на него. Он вспомнил его, как только увидел. Всего лишь сосед, живущий на втором этаже – ни имени, ни судьбы. Очередной забытый призрак из прошлого.

– Здравсьте, – сказал Данилов, не сразу поняв, что этот хрипловатый детский голос звучит из его уст.

– Привет, бандит, – подмигнул ему молдаванин.

Данилов выбрал ключ с бороздками, доверяя собственным рукам, которые будто сами помнили, что при вращении ключа, надо слегка прижимать дверь.

Дернув дверь, он быстро вошел, захлопнул ее, прижавшись спиной. В нос ударил сильный запах материнских духов. Он стоял, не в силах пошевелиться, пока взгляд скользил по знакомым предметам: плащ отца на вешалке, маленькие кроссовки брата с черепашками-ниндзя, низкая обувная

тумбочка, она же скамейка, зеркало с наклейками из «Терминатора». Турник в проеме перед коридором, белая двустворчатая дверь с потертой пластмассовой ручкой. Работающий телевизор – где-то там, кто-то вещал о кислотно-щелочном балансе. И голоса. Приглушенные голоса.

– Игорь, это ты?! – раздалось сквозь шум, через двадцать семь лет.

Он закрыл глаза. Сил его хватило только на один шаг. В конце коридора из родительской комнаты падал синеватый свет телевизора.

Из комнаты вышла фигура с покатыми плечами, Данилов видел только темный силуэт, но знал кто это. Он смотрел на него широко раскрытыми глазами, понимая, что его самого под электрическим светом прихожей хорошо видно. Впрочем, отца всегда удивить было трудно.

– Да, это он, – сказала фигура и вернулась в комнату с телевизором.

– Игорь, ужин на плите!

Данилов шагнул к зеркалу. На него смотрел испуганный подросток с большими глазами и большими ушами, под шапкой еще густых черных волос над слегка покатым лбом. Давно забытый образ со старых фотографий. Неужели он когда-то был таким живым? Еще «детский» вздернутый нос, в хмуром взгляде отражение подростковых забот, острый подбородок и щеки, очерченные линиями молодости. Сколько наивности в этих глазах. Он коснулся зеркала и опустил

на тумбочку-скамейку под ним. Даже если это сон, то он обязан заставить себя сделать это. Обязан заглянуть в их лица. Взгляд упал на сложенную газету, лежавшую на краю тумбочки. На главной странице фотография под заголовком «Металлург выходит в финал» мотоболлисты в клубах пыли боролись за огромный, похожий на пляжный, мяч. С краю вытянутая фотография каменной глыбы, на фоне кинотеатра «Искра», с пафосной надписью «В честь основания города Видное».

Данилов схватил газету и прочитал мелким шрифтом «17 октября 1995 года, вторник». Догадка отозвалась холодом в груди, сердце бешено заколотилось. А что если старая? К черту гадания! Он вскочил на негнущиеся ноги.

Как ни странно, он помнил тот день – один из тысяч. Они смотрели «Твин Пикс» по черно-белому телевизору «Березка». Под загадочно-тревожную мелодию Анджело Бадаламенти приглушенный свет торшера растекался по нижней части комнаты. Не любившие духоту родители в первые дни отопительного сезона всегда приоткрывали окно, и в редкие моменты телезатишья можно было услышать шелест ветра в яблонях и грушах, которыми была засажена старая часть города. Ветка стучится в окно, а иногда и сам ветер находит дорогу, врывается в комнату, чтобы тронуть по-осенне-

му неласковой, но волнующей прохладой обнаженные ноги и лица.

Все только начинается в этом мире, все только начинается...

Неслышно замерев в темноте проема, он смотрел, как отраженные тени скользят по лицам, как в бледном свете экрана беззащитно сверкают глаза и задавался вопросом – кто же на самом деле мертв?

Отец сидел ближе всех в своем плюшевом кресле с подушкой, закинув ногу на ногу. Глядя на него, Игорь впервые в жизни увидел, что отец на самом деле очень молод. Он напомним ему подчиненных сержантов, которых он называл «щенками». И то, что он неспособен был увидеть в детстве, теперь читалось легко. И это раздраженное покачивание тапка на босой ноге и сдвинутые брови. Он как раскрытая книга. Близко посаженные глаза последние дни вечно недовольны. Впоследствии, Данилов всегда будет вспоминать о нем, увидев актера Джованни Рибизи. Сейчас особенно заметно, что он похож на него как никогда.

Мать заморожена музыкой и тоже не сводит с экрана глаз. Рано потерять родителей – значит запомнить их молодыми, но каково видеть их молодыми, если ты достиг тех лет, достигнуть которых им не суждено? Станный набор чувств, среди которых доминирует чувство вины.

Мать обнимает детская рука – самого брата он не видит. Макс всегда прятался за ней. То, что бесило в детстве, сей-

час отозвалось жалостью и все тем же чувством вины. Данилов не торопился вторгаться в мимолетную идиллию, не спешил навязываться. Он смотрел на пустующее место на диване слева от матери. Его место.

Первым заметил его отец.

– Ты чего?

В раздраженном взгляде легкое удивление. Его лицо такое живое, что Игорь непроизвольно вздохнул.

– Подрался что ли опять?

Мать, как и положено матерям чувствует острее.

– Игорь, ты плачешь?

Может он и плачет, может вместе с прежним телом, он утратил и навык самоконтроля. Но он сейчас и впрямь чувствовал себя ребенком, глядя на живых родителей. И пусть он не самый любимый ребенок, он осознавал, что только здесь и сейчас имеет полное право им быть.

Глядя на испуганную мать, он, наконец, заметил и брата, выглядывающего из-за нее. Он больше похож на отца, только черты его более правильные. Волосы у него волнистые и более светлые. И брови не по-отцовски сдвинуты, а приподняты от удивления. Но это только сейчас. В детском взгляде какая-то недетская мудрость. Раньше Игорь думал, что это из-за вечного молчания. Заметив, что старший брат смотрит на него, Макс отодвигается дальше за мать, не спуская глаз, и постепенно пряча лицо, так что теперь смотрит на Игоря только одним глазом.

– Чего молчишь? – спросил отец.

– Все в порядке, – Игорь неуверенно шагнул в комнату.

Под пристальные взгляды членов семьи он занял свое место и стал смотреть на экран, ощущая тепло, идущее от матери. Он боялся пошевелиться, боялся, что все закончится также внезапно, как началось.

Он смотрел сериал, который в отличие от них уже видел, включая третий сезон, который снимут только через двадцать два года.

Великан передавал послания раненому агенту Куперу. Макс похлопал мать по ноге, и она попыталась ему что-то перевести.

– Да он не поймет, – проворчал отец, недовольный тем, что ему мешают смотреть. Видя неудачные попытки матери переложить метафоры на язык жестов, Игорь подумал, что такая это, наверное, пытка для Макса, который, в общем, умел читать по губам, смотреть сериал в дубляже.

Тогда он неожиданно для себя повернулся и быстрыми движениями сообщил брату:

«В улыбающемся мешке находится человек».

Глядя в увеличивающиеся глаза брата, и не обращая внимания на удивленное лицо матери, он продолжил:

«Совы не то, чем...»

Но тут железная рука отца схватила его за шею.

– Совсем совесть потерял?!

– Коля, они говорят! – поспешила остановить его мать.

Данилов не обижался на отца. Макс совсем выбрался из-за матери, практически упершись локтями о ее ноги.

«Что это значит?» – спросил брат жестами. Пальцы у него были гибкие, «говорил» он быстро, уверенно.

«Скоро увидишь». – Игорь показал на экран.

– Что ты ему сказал? – спросил отец.

– Просто перевел, – пожал плечами Игорь.

– И ты все понял? – мать смотрела на Макса. Тот прочитал по ее губам и кивнул.

– Чушь какая-то, – хмурился отец, – ты не знаешь языка жестов.

– Когда ты научился? – спросила мать.

– Долго рассказывать и вы мне все равно не поверите.

Отец пристально посмотрел на Игоря и, не дождавсь пояснения, сдвинул брови. Он всегда так делал, когда чего-то не понимал или не хотел понимать.

– Давно бы так, а то вечно как кошка с собакой...

Данилов боялся каким-нибудь неосторожным действием, неосторожным движением нарушить этот сон, но сон все не прекращался – людей рядом с ним давно не было в живых, но он слышал их смех, их кашель, слова, дыхание. В них было больше жизни, чем в нем последние десять лет и, находясь рядом с ними, он будто сам возвращался к ней.

«Твин Пикс» закончился, отец пошел курить на кухню, мать в ванную, а Макс в их общую комнату. Игорь не спешил, он бродил по полутемной комнате родителей, разглядывая и касаясь каждого предмета. Вот шкатулка матери на старом серванте, расписанная под хохлому. Она пахнет все теми же духами, вот механические часы отца. Старый стул, на котором когда-то спала их кошка. На дверном косяке карандашные отметки с буквами «И» и «М». И он не перерос еще самую высокую из них.

По коридору прошла мать, не заметив, что он еще в родительской комнате.

– Коля, я не понимаю, почему надо обязательно звонить на ночь глядя? – раздался на кухне ее голос.

– Ира, для нормальных людей это вообще не проблема, ты хоть попробуй иногда посмотреть на себя со стороны! Живем как дикари!

Он уже тяготится семьей. Неужели, она ничего не понимает, подумал Игорь. Нет, вероятно, понимает, просто не хочет признаваться себе в этом. Она слишком любила отца и видимо, поэтому больше любила Макса. Не потому, что он младший сын и не потому что его недуг требовал большей любви. Просто он походил на отца, как Игорь походил на мать. Мать всегда любила других больше себя.

– Чей это выбор, Ира, а? – продолжал злиться отец. – Я тебя спрашивал: телефон сейчас или телевизор к новому году? Что ты сказала?

Потому что телевизор единственное, что пока еще способно собрать вместе всю семью, ответил сам себе Данилов.

– А у тебя, между прочим, сын инвалид. А если понадобится вызвать скорую? К соседям бегать опять?

– Я просто не понимаю, почему ты не можешь позвонить от соседей?

– В одиннадцать часов?!

Мать не хочет злить его еще больше.

– Игорь сегодня какой-то странный, – сменила она тему, – даже свою любимую жареную картошку не стал есть.

– Просто переходный возраст...

В голосе отца слышны примирительные нотки.

– Танька говорит, у них в соседнем доме кто-то опять пытался напасть на девчонку.

Игорь прислонился к косяку, склонил голову.

– Это которая на ПЛК?

– Ага.

– Тот самый маньяк что ли?

– Я думаю, может снова начать провожать Макса в школу?

– Провожай.

– Ты же знаешь, каждый день я не могу.

– А я, по-твоему, что безработный?

– Ты работаешь с двенадцати.

– Ира, ты это специально?

– Ну, ладно.

– Он что будет нападать в автобусе среди бела дня? Этот

маньяк нападает в подъездах, вот и встречай–провожай в подъезде. Думать же надо хоть немного. – Голос отца приблизился, и Данилов отступил вглубь комнаты.

Шмыгая носом, отец прошел по коридору в прихожую, раздался стук упавшей крышки обувной тумбочки, отец тихо выматерился.

Игорь вышел из комнаты и остановился напротив кухни. Мать сидела за столом, подперев голову руками, смотрела в стол, но почувствовав взгляд, подняла лицо. Игорь увидел печаль в ее глазах.

– Что ты тут делаешь? Тебе пора спать.

Игорь смотрел на мать и заметил, что она стала расплываться также как Агнесса.

– Мам...

– Что случилось?

Он не мог справиться с собой.

– Мам...

Она встала и обняла его. Он вспомнил ее руки, ее запах, почувствовал ее теплоту.

Они жили в трехкомнатной коммунальной квартире на первом этаже. Им очень повезло, учитывая, что в этой квартире им принадлежала только одна комната, которую выделил матери коксогазовый завод. Вторую они снимали у соседей, которые появлялись раз в месяц, чтобы получить арендную плату, а третья – самая маленькая всегда была закрыта. Ее вскроют, после того, как исчезнет брат, но в ней ни-

чего интересного не обнаружится, кроме старинной этажерки среди разошедшейся мебели. Владелец ее какой-то старик, который жил у дочери в Москве.

Самая большая комната с двойной дверью принадлежала им с братом. На ней не было даже замка.

Данилов прошел по коридору переглянулся с отцом, который с помощью обувной ложки натягивал лакированный ботинок и открыл дверь.

Брат стоял у окна спиной к нему и проделывал какое-то странное движение рукой – проводил внутренней стороной ладони перед своим лицом, держа руку строго вертикально. Этого жеста Данилов не знал, но как ни странно вспомнил его – периодически он замечал, что брат делал так в детстве. Звук открывшейся двери он, конечно, не слышал, но среагировал на изменение света и быстро обернулся.

«Что значит этот жест?» – спросил Данилов.

«Ничего». – Ответил Макс. – «Кто ты такой?»

«Я твой брат».

Макс коротко мотнул головой.

В отличие от родителей, его провести было трудно. На миг показалось, что перед ним не ребенок, но следующий вопрос уничтожил это сомнение.

«Какая твоя любимая еда?»

«Такая же, как у тебя».

«Нет. Только твоя».

Только моя, догадался Данилов. Он знал, что Макс сумел

прочитать бы по губам, но ему нравилось отвечать жестами, нравилось говорить с ним на одном языке.

«Яблочный пирог».

«Напиток?»

«Фанта. А твоя доктор пеппер».

«Мой брат не знал этого языка».

Движения рук Макса были быстрыми, отточенными – Игорь никогда не встречал даже среди взрослых глухонемых, с которыми практиковал общение жестами такой скорости. Он едва разбирал его «слова». Они словно поменялись ролями – в детстве отсталым в их детской среде считался Макс, но теперь Игорь пытался угнаться за ним.

Но все это меркло на фоне осознания, что он впервые в жизни говорит с братом.

«Я сам не понимаю, что происходит, но в том, что я твой брат можешь не сомневаться. Ты веришь мне?»

«Да».

Если бы Данилов вообразил себе все это раньше, то решил бы, что именно сейчас лучшее время попросить прощения, но видя тревогу и недоверие в не по-детски умных глазах одиннадцатилетки, понял, что подобные извинения прозвучат как слова, которые пока ничего не стоят.

«Не нравится мне это». – В конце этой фразы Макс сделал непонятное движение, оттопырив мизинец и безымянный пальцы правой руки.

Данилов повторил его, сопроводив вопросом:

«Что это значит?»

«Это ты. Твое имя».

Значит, он сказал «Не нравится мне это, Игорь». Данилов улыбнулся про себя.

«Слушай, я знаю, у тебя нет поводов доверять мне, но меня больше не нужно бояться».

«Я никогда тебя не боялся. Ты всего лишь старший брат-придурок».

Данилов улыбнулся.

«Но тебя что-то беспокоит?»

Макс кивнул.

«Проблемы в школе?»

«Нет».

«Расскажешь?»

«Я сам не знаю, но что-то происходит, Игорь (тот самый жест с оттопыренными пальцами)».

«Что ты имеешь в виду?»

«Не знаю».

Данилов шагнул к брату, положил руку ему на плечо и тотчас пожалел, потому что брат по привычке вздрогнул и в глазах мелькнул испуг – слишком много пакостей в его адрес наделал брат-придурок, чтобы можно было одной доверительной беседой все исправить.

И все же, надо было изо всех сил стараться, пока была такая возможность.

«Макс, если ты расскажешь, я обещаю тебе помочь».

«Спасибо. Давай спать, мне вставать раньше, чем тебе».

Игорь кивнул – еще одна несправедливость – глухонемому брату нужно перетянуться на площадь, ждать автобус и ехать семь остановок до коррекционной школы, тогда как Игорю, чтобы попасть в школу, надо только выйти из подъезда и пересечь школьный двор. Он из тех счастливичков, кто может себе позволить вставать за пятнадцать минут до начала первого урока и при этом не особенно спешить. Все это конечно в прошлом, десять школьных лет канули в небытие вместе с этим преимуществом, и когда закончится действие наркотика, никакого брата, никаких школ не будет. Но пока Игорь ложился на свою узкую кровать, чувствуя истому, будто целый день провел на улице, катаясь на велике и играя в стритбол, и смотрел на Макса, который лежал, отвернувшись к стене. Он не хотел засыпать, он хотел, чтобы этот вечер продолжался вечно. Чтобы мать, которая заглянула в их комнату, заглядывала так снова и снова, и он всякий раз видел ее молодое обеспокоенное лицо. Но вскоре незаметно и он начал погружаться в сон. Только скрип двери и половиц в прихожей на время вырвали его из дремоты. Отец вернулся с площади, куда ходил звонить по таксофону. Теперь-то Игорь знал, что он звонил любовнице, а не начальнику. Но сейчас это не имело никакого значения. Он лежал, слушая тихий разговор родителей за дверью, их смех.

Да, пускай это всего лишь наркотический сон, думал он, и завтра, когда он «проснется», никого из них уже не будет.

Но это, безусловно, самый лучший сон в его жизни.

Незнакомый детский голос звал его сквозь толщу воды.

– Иго-о-орь!

Он скатывался с чудовищно огромных горок аквапарка прямо в океан, погружаясь на черную глубину. У него кружилась голова, внутренности выворачивало наизнанку, но спустя время он обнаружил, что сидит на тюремных нарах и давится какой-то гадостью, называемой чифирем. Гадостью в кружке потчевал его бывший сослуживец и друг Саня Протасов.

Данилов рассказывал ему о далеком городе, дорогу к которому невозможно найти.

– Да, ты можешь приехать туда, географически там находится место с тем же названием, но самого города ты не найдешь. И все же он там.

– Но ты ведь нашел туда дорогу, Гарри?

– Мне просто повезло.

– И как же ты попал туда?

– Это сложно, Саныч, нужно уметь пользоваться козьими тропами.

– Козьи тропы – это что-то вроде кротовых нор?

– Слушай, Саныч, нескромный вопрос.

– Валяй.

– А ты как тут оказался?

– На зоне? Да по беспределу.

– Да я не про это, Сань, тебя же в две тысячи шестом осколочно-фугасным того...

– Эх, Гарри, нормально же сидели, – Санек соскочил с нар, подошел к столу, именуемому дубком, откинул крышку и, бросив на Игоря осуждающий взгляд, прыгнул вниз.

Игорь подошел следом и увидел под откинутой крышкой люка океан. Свинцовая масса, будто живая угрожающе раскачивалась.

– Игорь! – звал оттуда голос, становясь настойчивей с каждой секундой. Данилов поморщился, зажал уши, но голос не утихал, и вскоре исчезло все, кроме этого голоса.

Даже через закрытые глаза он чувствовал яркий свет.

– Игорь! Просыпайся! Игорь!

Он открыл глаза и увидел мать, которая только что раздвинула занавески, и яркий свет упал на заправленную кровать брата.

– Ты опоздаешь!

– Опоздаю куда? – спросил Данилов, все еще пытаюсь понять, где он находится.

– В школу!

Глава 4

Школа. Это слово застало его врасплох едва ли не больше, чем ставшей реальностью сон, в котором живая мать с укором ждала, когда он встанет. Но встать при ней Игорь не мог – ведь это означало откинуть одеяло, а вместе с тринадцатилетним организмом, как он только что выяснил, ему достались и все причитающиеся ему гормоны.

Оставалось лишь жалобно проскулить:

– Ма-ам!

– Не вздумай снова опоздать! Не хватало мне опять выслушивать жалобы на тебя! – сердито сказала мать и вышла из комнаты.

Неужели это и впрямь происходит? Навсегда или на время? Должен он быть паинькой или может сотрясать основы мироздания? От вопросов голова шла кругом, а на нее уже сыпались другие, более прозаические. Должен ли он вообще идти в школу? Во сколько начало уроков? Что за белоснежная тетрадка и почему он так волнуется?

Рюкзак со сломанной молнией он нашел под столом, а внутри ту самую тетрадку, именуемую дневником, правда, совсем не белоснежную, а потрепанную с отпечатком чьей-то подошвы на обороте.

Смутно знакомый детский почерк сообщил, что сегодня его ждали русский язык, химия, физкультура, история и ка-

кая-то аббревиатура в виде «МХК», которую он даже не пытался расшифровывать. Если начало в девять, то времени еще полно – на его часах «Электроника» только восемь ноль две. Однако увидев его выходящим из ванной, мать буквально вытолкала его за дверь: «не беси меня!»

Данилов вышел в промозглое утро, подняв воротник куртки. Ветер бил в лицо, мокрые листья прилипали к старым кроссовкам. Он смотрел на них, вспоминая, что последний раз видел их (или увидит?) в девятом классе висящими высоко на дереве в окрестностях озера Селигер.

Пересекая школьный стадион, Данилов посматривал на тыльный фасад школы. С этого ракурса она немного походила на Хогвартс – одна из ранних типовых школьных пятиэтажек, когда в архитектуре еще доминировал сталинский неоклассицизм. Сходству способствовали торцевые кирпичные трубы, походившие на башни и восьмигранные окна на последних этажах лестничных пролетов, выдвинутых рублеными эркерами. А может дело в этом темно-бордовом фасаде на фоне вечнозеленых елей.

Он шел по промокшей траве и вспоминал, как однажды давным-давно в белой рубашке и брюках, с перекинутой через плечо лентой «Выпускник» шел этим же путем в обратном направлении по залитому июньским солнцем стадиону. Он уже прощался. Ему было восемнадцать, когда отец прислал доверенность, и он продал за копейки, все что осталось от их семьи, вышел на школьный двор, чтобы последний раз

взглянуть на него.

Здесь когда-то давно они еще совсем детьми носились по крышам вдоль беговых дорожек, и также давно он сдавал школьный экзамен по физкультуре. Здесь по сугробам отец катал их на санках, а летом они играли в футбол, порой он дрался под сенью этих яблонь в неформальной курилке у котельной, и там же, под окнами класса трудов пробовал первую сигарету, а через год впервые напился до беспмятства яблочным сидром и пришел домой. Вот только ругать его за пьянство было некому. И здесь же каждый вечер на протяжении одиннадцатого класса он нарезал с секундомером круги, готовясь к экзаменам в академию МВД. Преддверие конца. Радость и волнение, в дождь и зной, но чаще в холод он ходил этой дорогой, включая самые волнующие дни после долгих летних каникул, под звучание приближающейся осенней песни «Учат в школе». Иногда, ему снился сон, что он все еще идет этой дорогой – снова в школу, но он никогда бы не подумал, что этот сон однажды станет явью.

У торцевого фасада курили несколько парней и пара девочек – наверное, старшеклассники, и вероятно не слишком примерные, судя по раздающемуся матерку. Данилов совершенно не понимал, какого они возраста. Лица парней в этих старомодных свитерах, китайских джинсах и спортивных костюмах, купленных на Бирюлевском рынке, выглядели сплошь детскими. В паре лиц угадывалось что-то знакомое. Данилов глядел на рыжего парня с наушниками на шее,

пытаясь припомнить, кто он.

– Хуле уставился? – среагировал на него подросток.

Данилов пожал плечами под смех его приятелей. Да, видать старшеклассники, подумал он и понял, что тоже хочет курить.

Проходя мимо них, он обратил внимание, что ниже этих «детей» как минимум на голову и тут же вспомнил, чем чревато игнорирование школьной иерархии, особенно в условиях довольно демократической системы официальных санкций. Данилов, несмотря на относительно коренастое телосложение, в своем «новом» состоянии едва ли весил больше пятидесяти килограммов.

Школьный холл встретил веселым гвалтом, но он показался ему намного меньше, чем в воспоминаниях.

Увидев оружие группы школьников по обе стороны лестничных подъемов, которые живыми стенами преграждали проходы всем, Игорь вспомнил эту школьную процедуру назначать дежурный класс для проверки «сменки». Поскольку никакой «сменки» у него при себе не было, и Данилов даже примерного понятия не имел, куда ему идти, он просто сел на скамейку рядом с группой старшеклассниц.

– Этот придурок мне новую кассету со Сташевским испортил! – жаловалась одна толстогубая девчонка с деревенским веснушчатым лицом.

– Алик?

– Вот же козел!

– Слушайте, а он правда с Анькой гуляет?

– Моисеевой? Ну да. Катька их видела в «дэка» на дискотеке.

– Не гони, туда до восемнадцати не пускают.

– Алика везде пускают.

– Девки, пойдемте, покурим.

Слушая одним ухом их болтовню и поглядывая на редкую толпу школьников, среди которых мелькали полужнакомые и один раз даже совсем знакомые лица – например, второгодник Филипп Кустанайский, его одноклассник, который вплоть до девятого класса молча сидел на последней парте, словно отбывал срок. Данилов с изумлением увидел, как мимо прошел бородатый учитель черчения, отвесив на ходу кому-то жесткий подзатыльник. Он вспомнил, как его боялся, и как востребовано на его уроках было умение уворачиваться от летящих с тихим свистом в твою сторону указок, металлических уголков и больших деревянных транспортиров. Насколько он помнил, сегодня черчения в списке уроков не значилось, и Данилов счел, что это не так уж плохо.

Но в следующее мгновение, ему предстояло выдержать еще один удар. Из толпы к нему приближалось расплывающееся в улыбке лицо очередного ожившего мертвеца. Игорю трудно было вспомнить, когда они познакомились со Славиком. Как полагается другу детства, Славик был рядом всегда – в школе, в детском саду, даже в яслях на фотографии его светловолосая голова находилась неподалеку. Вероятно, они

и в роддоме появились в одно и то же время, учитывая, что разница в возрасте между ними всего шесть дней, а роддом в городе только один. Большую часть детства Славик хотел стать военным и в начальной школе мучил Игоря исполнением военных песен Высоцкого. Причем, что особенно раздражало – он пытался голосом копировать даже звуки гитары. Ближе к старшим классам, когда его стали интересовать девчонки и алкоголь, Славик к военной тематике охладел и, в конце концов, поступил куда-то на телеоператора и долго хлопотал о военном билете. Тогда он увлекся одной неформалкой – наверное, из-за нее все случилось, а может быть, дело было в наркотиках, но на четвертом курсе Славик выпрыгнул из окна шестнадцатого этажа новостройки в Строгино.

Глядя сейчас в детскую версию Славика, который пока еще переживал свой «военный» период, судя по рюкзаку цвета хаки, Данилов вдруг осознал, что настоящих друзей кроме этого парня, у него в жизни больше и не было.

Вместо приветствия, Славик многозначительно расстегнул рюкзак и, бросив по сторонам взгляды, показал Игорю его содержимое.

На учебнике химии сверху лежал черный картридж «Mortal Komбат».

– Сегодня после уроков приходи, – сказал он.

– Зачем? – не понял Игорь и тут же удостоился удивленного взгляда Славика.

– Ну, ты лось!

Данилов не нашелся что ответить, только подумал, что жаль его родителей. Он был единственным ребенком, которого они постоянно баловали. У него была даже «Сега», о которой Игорь с братом могли только мечтать.

– Ты че тут сидишь вообще?

– Я «сменку» забыл.

Славик прыснул, сдвинув брови.

– Тебя контузило что ли?! Поднимай жопу! На четвертый этаж переться!

Славик провел Игоря через не слишком прочную живую стенку, высокомерно игнорируя вялые просьбы «показать сменку».

Игорь шел со Славиком, слушая его болтовню, и достраивая по ней картину своей подростковой жизни (как много, оказывается, там было событий), то и дело, натываясь на лица знакомых учителей, на двери старых кабинетов, выплывающие из далекого прошлого знакомые коридоры и рекреации.

Звонок зазвенел, когда они входили в класс. Замереть в проеме, ему помешал Славик, настырно подталкивающий его в спину. Данилов шел к задней парте у окна, на ходу озираясь по сторонам, задерживая взгляды на каждом и поражаясь тому, какими юными были те, кого он запомнил хотя и молодыми, но все же гораздо более взрослыми выпускниками девяносто девятого года.

Их 8-й «Б» – наверное, самый скучный и заурядный класс. У них были два классических параллельных класса – состоявший из отличников и преимущественно симпатичных девчонок 8-й «А» и настоящий хулиганский 8-й «В».

Открыв найденную в рюкзаке тетрадь, Игорь увидел свои рисунки и замороженно разглядывал их, пока его локтем пихал Славик, заметив, что учительница бросает на него подозрительные взгляды. Учительница была совсем незнакомая, возможно присланная на замену и замечаний никаких не делала. Впрочем, Игорь с каким-то щемящим чувством и довольно старательно записывал примеры двусоставных предложений под нарисованным когда-то трансформером. Он даже вспомнил тот день, когда его рисовал – коротая ненавистный урок литературы, на котором его периодически мучали. Над трансформером переливались объемные цифры – 15 минут, 8 минут и наконец, 1 минута. Когда это было? Возможно вчера. Но для него это «вчера» было двадцать семь лет назад.

Сидя у окна, Данилов иногда поглядывал на своих одноклассников, иногда бросал взгляды в окно, за которым как на ладони – школьный стадион и их трехэтажка за оградой – последний дом Второй Радиальной улицы. Из подъезда в «лужковской» кепке вышел толстый старик – сосед дядя Костя и согнал занявшую его скамейку парочку. Недолго ему осталось, с грустью подумал Игорь – его жизнь оборвется на первом году двадцать первого века. И тут Данилов впервые

задумался – а оборвется ли? Ведь на самом деле дядя Костя уже давно на том свете, но, тем не менее, выглядел он сейчас вполне живым – в руке палка и пакет. Видимо вышел собрать последние яблоки в диком саду.

Перемещение в прошлое искушало увидеть еще одного призрака. Данилов задумался, каково это – снова увидеть ту, с мыслями о которой засыпал и просыпался на протяжении нескольких лет. После события, изменившего его жизнь, единственный стимул для посещения школы. Она пришла в их школу как раз в восьмом классе, развеяв раз и навсегда сомнения о существовании любви с первого взгляда. Сглаженное годами разочарование отозвалось лишь бледной тенью тех бессонных ночей, когда он узнал, что в две тысячи одиннадцатом она при странных обстоятельствах тоже покинула этот мир. Странно, очень странно, что все кто имел хоть какое-то значение в его жизни так рано ушли. Все, кроме него, хотя он дорожил жизнью меньше других.

– Славик, какой сейчас урок у восьмого «а»?

Славик поднял глаза к потолку.

– Физра, потом география. А че?

– Да так.

– Ну да, какие у тебя могут быть дела в «а-классе»? Ты же ни с кем не общаешься.

При всей любви к другу, Игорь не хотел, чтобы тот тащился за ним. Он хотел увидеть ее один, как в тот самый миг, когда удар волны едва не снес его в коридоре напротив класса истории.

– Кассету надо забрать.

– Какую кассету?

– Сташевского.

– Че-во?!

– Ну, то есть «Лимп Бизкит».

– Че-во-о-о? – на последнем слоге изумление Славика достигло критической точки, так что на него оглянулась девочка с передней парты.

– Русский размер? – продолжал «угадывать» Игорь.

– Слушай, ты чего несешь? У тебя же магника нет.

– Батя с работы принес. Слушай, неважно, окей?

Едва зазвенел звонок, Игорь бросился на пятый этаж, и занял место у окна рекреации, откуда хорошо просматривался кабинет географии и при этом он сам не слишком мозолил глаза.

Ученики из параллельного класса постепенно прибывали, но только не та кого он ждал. Сердце замирало, но время шло, в кабинет географии вошли уже все тамошние «ботаны», но она так и не появилась.

Он ждал до последнего, пока не закрылась дверь, и не зазвенел звонок. Может она заболела? Но она никогда не болела – она была спортсменкой, хотя иногда она уезжала на сбо-

ры и соревнования, но вроде бы не в восьмом классе. Игорь испытал еще одно дежа вю – разочарование, настигавшее его в те дни, когда ему не удавалось ее увидеть.

С трудом отыскав кабинет химии, и уже прилично опоздав, Данилов открыл дверь и замер, пораженный царившей там тишиной. Воспоминания разом нахлынули. На него взирало сморщенное лицо самого строгого учителя в школе. В немигающем взгляде читалось что-то змеиное. Малой кровью, он здесь точно не отделается – это, в общем, было понятно и по притихшим одноклассникам, предвкушающим экзекуцию. На уроке у этой старушки боялись даже чихнуть, при этом Анастасия Егоровна никогда не повышала голос, хотя посмеяться любила. Ее феноменальное умение внушать страх базировалось исключительно на знании подростковой психологии. Но как через много лет во время многочасовых допросов убийцы Селиванова, понял Данилов – преподавать она совершенно не умела.

Игорь обратил внимание на особые длинные столы и странную рассадку. Анастасия Егоровна любила сама рассказывать учеников на своих уроках, причем исключительно по принципу «мальчик-девочка».

– Наконец-то, Данилов, – произнесла учительница, – без вас урока не начинали.

Игорь улыбнулся, ожидая подвоха – собственно он не мог вспомнить, чтобы на урок Анастасии Егоровны кто-то опаздывал. Уж лучше вообще целый день прогулять и сослаться

потом на плохое самочувствие.

– Ну, что же, Данилов, – развела учительница руками, – осталось, как видите только два свободных места. Выбирайте даму сердца.

Школьники сидели плотными рядами, избегая занимать задние парты, пустовали лишь два легальных места – рядом с Софией Самойловой – симпатичной девчонкой в среднем ряду и Юлей Калачевой – настоящей катастрофой и главным изгоем класса за первой партой.

В общем, характер экзекуции понятен – какое бы место не выбрал Игорь, он будет действовать исключительно в роли, которую ему отвела Анастасия Егоровна – жениха, выбирающего «даму». Тут выбор очевиден – сесть рядом с Софией, получить порцию насмешек в свой адрес, но статус жениха будет сглажен всеобщим пониманием, что иной выбор просто невозможен.

Игорь вдруг задумался, как так получилось, что Калачева в тринадцать лет была изгоем? Он помнил ее первоклассницей и знал, что в двадцать два года она выйдет замуж и уедет в Америку, где откроет собственную линию дизайнерской одежды. Наверное, самый успешный ученик в этом классе и все же почему именно сейчас, эти годы средней школы ей давались так тяжело? Да, она странно одевалась, выглядела рассеянной, носила уродливые очки, и задавала дурацкие вопросы учителям, зачастую раздражая их. Такие вопросы, обычно дети задают родителям. Как бы то ни было, Данилов

вспомнил их некое подобие дружбы в начальной школе и то, что с ней было интересно почти как с ребятами. Она даже умела играть в солдатиков. Может быть, дело в сожалении? Двадцать семь лет назад Данилов никогда бы так не поступил, но если тебе дан шанс что-то исправить, то стоит ли снова приносить в жертву сомнительному авторитету шанс подружиться с тем, кто тебе по-настоящему интересен?

Игорь подошел к первой парте и сел рядом с Калачевой. Класс взвыл. Юлька, конечно, смутилась. А Анастасия Егоровна, едва сдерживая заинтересованную улыбку, сложила руки, похожие на птичьи лапки и подошла поближе.

– Тихо, тихо. Нет, а что смешного? – с наигранным удивлением возмущалась она. – Игорь и Юлия прекрасная пара.

Данилов смущенно улыбался, а Юлька принялась от волнения что-то писать в тетради – кажется «Классная работа».

– Вот так все и начинается, – продолжала «экзекуцию» Анастасия Егоровна, – потом может быть, Игорь пригласит Юлю на танцы...

Снова смех.

– Анастасия Егоровна, сейчас не танцы, а дискотека, – подсказал кто-то с задней парты.

– Ну, какая разница. Верно же, говорю, Данилов? Пригласишь Юлю? Что же она зря сейчас смущается? Ну, что молчишь?

Данилову почему-то стало жаль Калачеву. Тем более с задних парт уже слышались ее непристойные клички. Игорь

подумал, что свою порцию наказания она получала совсем незаслуженно – опоздал-то ведь он. И свалился ей на парту, хотя быть может он ей и даром не нужен.

Данилов прищурил левый глаз.

– Мне кажется, вы делаете бестактные намеки. – сказал он учительнице.

Класс неожиданно притих. Накрашенные брови Анастасии Егоровны поползли вверх. Она молчала несколько секунд, но вскоре снова улыбнулась, тон ее стал еще более ележным, не предвещающая ничего хорошего.

– Ну что ж, если даже господин Данилов одергивает нас, остается нам только заняться химией.

В абсолютной тишине, Анастасия Егоровна поднялась на подиум, взяла в крошечную руку мелок.

– Итак, кислоты...

Разумеется, даже Анастасия Егоровна не могла помешать Данилову наслаждаться происходящим. Скорее она была частью этого удивительного аттракциона. И все же опыт подсказывал – тот, кто владеет абсолютной властью, может простить что угодно, кроме покушения на эту власть, даже в самой безобидной форме. И месть не заставила себя ждать – уже на десятой минуте Данилова вызвали к доске.

– Прежде чем вы покажете, как справились с домашней работой по описанию простых химических реакций кислот с металлами я задам вопрос, ответ на который должен знать каждый молодой человек.

Данилов без энтузиазма заглянул в змеиное лицо.

– Где еще помимо производства минеральных удобрений чаще всего применяется азотная кислота?

Данилов молчал, про азотную кислоту он знал мало, но кое-что все-таки знал. То, что на шестые сутки допроса ему рассказал обвиняемый в убийстве с особой жестокостью Кировский психопат Селиванов. Правда, он сомневался, что это тот самый ответ, который известен «каждому молодому человеку» пубертатного периода.

– Ну что же, Данилов? Где ваше остроумие? Попробуйте вспомнить, о чем мы говорили последние десять минут. Нет-нет, Наумов, не тяните руку, для вас этот ответ слишком прост.

Игорь молчал.

– Ну, хорошо, Данилов, – вздохнула Анастасия Егоровна, – покажите хотя бы как реагирует азотная кислота с металлами.

– Честно говоря, я совсем не помню.

– Не помните, как делали домашнюю работу?

– Не помню.

– Хм. Ну, давайте, посмотрим вместе. Покажите тетрадь.

– Боюсь, я ее не захватил.

– Мда. – Анастасия Егоровна поджала губы. – Ну что ж. Думаю, никто не удивлен. Неоригинально, зато просто и предсказуемо, как химическая реакция. Несите дневник.

Данилов вытащил из рюкзака дневник.

– А вы знаете, Данилов, – сказала она, ставя размашистую двойку в его дневнике, – зря вы так демонстративны в своем нежелании учиться. Да, ученым вы конечно не будете. И не все обязаны ими быть. Я понимаю, переходный возраст, бунт, но вы сильно заблуждаетесь, если думаете, что сможете таким образом компенсировать отсутствие способностей. Просто подумайте, куда вы пойдете со справкой? Дворником? Будете хохмить с метлой в руках? Со справкой вас даже Калачева отвергнет.

В классе раздалась смешки.

– И все же надо отдать вам должное за честность. По крайней мере, вы не списываете, а честно признаете, что не понимаете химии и никогда не поймете.

Двадцать семь лет назад он бы с ней согласился, но после того, как бывший профессор цюрихской технологической школы Селиванов объяснил ему закон Гесса за три минуты, он понял, как остро стоит в российских школах проблема преподавания.

– То же самое мне говорили про алгебру.

Анастасия Егоровна прошелестела страницами его дневника.

– У вас сплошные тройки по алгебре.

– Это пока преподавать нам ее не начала Галина Ивановна.

– Хороший учитель, но она у вас не ведет.

– Будет вести.

– Откуда вы знаете? – учительница задумчиво на него посмотрела. – Новую разрядку видели? В любом случае, горбатого могила исправит.

– Некоторые часто путают уважение и страх. На первый взгляд, между ними нет никакой разницы. Особенно если смотреть с позиции того, кто строит на этом свою репутацию.

– О чем вы говорите?

– О власти, конечно же. Она идет руку об руку с профессионализмом. Но профессионализм учителя – это не только умение поддерживать дисциплину, но еще и умение объяснять.

– Так! – неожиданно и возможно впервые в жизни повысила голос Анастасия Егоровна. – Не всем дано учиться!

Данилов улыбнулся.

– Значит, так вы это себе объясняете?

– Прекратите говорить в таком тоне!

– Каком?

– Хамском!

– Вы хотели сказать учительском?

– Нет, это просто смешно! Двоечник-бездарь еще будет меня обвинять. Вон! К директору!

Игорь медленно направлялся к парте, за которой на него с интересом смотрела будущий нью-йоркский дизайнер. Он уже понял, что не сможет отказать себе в удовольствии поведать о том, что ему рассказал Селиванов, тридцать восемь часов растворявший в азотной кислоте свою жену и ее лю-

бовника.

– Почти все соли азотной кислоты являются растворимыми соединениями, – сказал он, убирая дневник в рюкзак, – и в отличие от других кислот, даже более сильных, вроде серной, она разъедает даже кальций – основной компонент человеческих костей. Сульфат кальция – нерастворимая соль, она оставляет от костей одни обуглившиеся углеводы. Соляная же и плавиковая слишком летучие и ядовитые, работать с ними возможно только в вытяжном шкафу и костюме химической защиты. А щелочь плохо справляется с белками...

Данилов забросил рюкзак на плечо, направляясь к двери.

– Азотная кислота лучший выбор, если вы решили оставить от кого-то мокрое место.

Он открыл дверь, собираясь выйти, но в последний момент взглянул на Анастасию Егоровну, которая насупив лицо, молча взидала на него вместе с классом.

– Кстати, тот, кто мне это рассказал, был ученым-химиком. Но ему это не помогло. Он все равно получил пожизненное.

К директору, конечно, Данилов идти не собирался. Лучше он пойдет домой, чтобы еще раз повидаться с матерью, но проходя мимо кабинета на первом этаже, в поле зрения мелькнуло нечто знакомое. Женщина в форме капитана ми-

лиции со старым шевроном «МВД России» на рукаве только входила в кабинет директора.

Данилов остановился напротив проема.

– Чего тебе? – спросила девушка-секретарь лет двадцати шести, глядя на него.

Данилов оторвал взгляд от женщины за соседней дверью и посмотрел на секретаря. Он вспомнил, что звали ее Ольга, и что она не раз становилась объектом его подростковых фантазий.

Хотя в общем-то, посещение ванной со спрятанным под полотенцем журналом казалось ему сегодня не интереснее самого нудного утреннего совещания, Данилов с удивлением обнаружил, что глядя на эту далеко не самую выдающуюся девушку, испытывает прилив какого-то нетипичного огня... Есть в этом все-таки какая-то парадоксальная несправедливость, подумал он, – в тринадцать лет быть настолько одержимым тем, о чем можешь только мечтать, закрывшись в ванной, под унижительные крики матери за дверью «Игорь, ну чего ты там так долго?!»

– Меня Анастасия Егоровна к директору отправила.

– Анастасия Егоровна?!

– Удивительно, правда? – Игорь вытянул шею, пытаясь разглядеть что-то в мелькании за соседней дверью. – А что там... происходит?

– Директор сейчас занята.

– Ну, так я подожду...

Игорь уселся на стул поближе к двери и стал прислушиваться.

– Нет, ну у нас только девятые классы, – по командным ноткам в голосе Игорь узнал директрису. – Нет-нет, я все понимаю. Мы сделаем так, давайте – у нас классные руководители. Да. Классные руководители во время собраний просто сделают объявления. Зачем нам у учителей отнимать время, потом все занятия насмарку... Все возбудятся.

– Хорошо, вот тут памятка. – Отвечала женщина-милиционер. – Главное отметить – что-то подозрительное, чтобы сразу сообщали. Неважно кому, можно даже в школу.

– Мы еще по родительским комитетам проведем. Значит, участились нападения в Видном, говорите?

– Ну, пока официально подтвержден единичный случай.

– Та девочка?

– Да, ребенок в розыске.

– Кошмар!

– Еще одно исчезновение в Володарском, но там семья неблагополучная. Ну и две попытки нападения, получается, в городе.

Игорь придвинулся поближе, но Ольга вышла из-за стола и демонстративно прикрыла дверь в директорский кабинет, после чего недовольно покачала головой и вышла из комнаты.

От разговора остался теперь только невнятный бубнеж, но Игорь и так услышал достаточно. Он совсем не помнил, что-

бы классные руководители проводили с ними инструктаж на предмет встречи с возможным преступником. Может, он забыл или в те годы ему было просто не до этого? А может быть прошлое не так уж определено? В конце концов, где сейчас тот настоящий тринадцатилетний подросток, место которого он занял?

Данилов встал и стал прохаживаться вдоль ряда стульев, толстая папка-регистратор с бумажной наклейкой «6-9 классы» на столе Ольги привлекла его внимание. Открыв первую страницу, он увидел списки, отпечатанные на машинке. Его интересовал 8-й «А», он пробежался по списку, но искомого имени не обнаружил. Тогда он перелистнул страницу, пробежался по списку 8-го «Б». Игорь Данилов располагался на пятой строчке. Он еще раз проверил 8-й «А», и в это время раздались шаги за дверью. Игорь едва успел закрыть папку и быстро сесть на стул.

– Скажите, – обратился он к вернувшейся Ольге, – а много новичков пришло в нашу школу в этом году?

– Двое, а что?

– Анна Вайсс в их числе?

– Кто?

– Девочка из восьмого «А».

– Анна Вайсс? Ты сам придумал?

– Нет, она учится в параллельном классе. Спортсменка с темными волнистыми волосами и...

Ну ладно, это лишнее, подумал Данилов.

– Ни в восьмом, ни в каком либо другом. В нашей школе таких нет.

– Вы уверены?

– Абсолютно.

Ольга выглядела уверенной, да и фамилия редкая – она бы, наверное, запомнила. Впрочем, он ведь и сам не нашел ее ни в списках, ни вживую в классе. Что же это такое? Путаница или прошлое, в которое он попал, не совсем то же прошлое?

Поразмышлять об этом он не успел – из кабинета директора вышла женщина в милицейской форме и директриса Тамара Васильевна – крепкая дама лет пятидесяти, чем-то напоминавшая сенатора Валентину Петренко из реальности взрослого Данилова.

– В общем, думаю, в течение одного-двух дней всех охватим. – Завершала разговор директриса.

Женщина кивнула и направилась к дверям.

– Простите, – обратился к ней Игорь, – он новичок?

Женщина остановилась, посмотрела на него.

– Кто?

– Тот, кого вы ищете.

– Как, по-твоему, это узнаешь?

– Дактилоскопия с одежды потерпевших, предъявление фото ранее судимых для опознания.

Женщина переглянулась с директрисой.

– Скоро появится его фоторобот. Но... все что вам надо

знать, вам расскажет классный руководитель.

– Кто ведет дело?

– Что?

– Областная прокуратура или милиция?

Женщина сдвинула брови.

– Слушай, парень, ты кто такой вообще?

Этот вопрос привел в себя и директрису.

– Данилов! – гаркнула она. – Ты что тут делаешь?!

– Его Анастасия Егоровна отправила к вам за плохое поведение, – пояснила Ольга.

– Понятно, – засмеялась женщина-милиционер, – а я подумала отличник.

– Какое там! Вот брат у него способный...

«Брат?» – удивился про себя Данилов и вдруг впервые в жизни с удивлением осознал, что даже не знает, как учиться его брат. И следом – так ли уж он хорошо вообще знал своего брата? Как много сюрпризов, а он-то думал, что все знает о собственном прошлом.

После необременительного разговора с директором, Игорь передумал уходить домой. Тем более следующим уроком была физкультура, на которой он с удовольствием поиграл в баскетбол, а на следующем уроке истории, слушая рассказ пожилой учительницы о начале войны 1812 года даже

на какое-то время забыл, что давным-давно закончил школу.

После занятий, они со Славиком пошли на площадь за чипсами. Игорь с изумлением посетителя экзотического зоопарка рассматривал давно канувшие в прошлое ларьки со жвачками, шоколадными батончиками в раритетных упаковках, банками и бутылками газировок с диковинными названиями вроде «Crush» и «Herschi Cola», рядами кассет с самопальными надписями на вкладышах: Валерий Сюткин, Elton John, Кай Метов, Led Zeppelin, Dr. Alban. Славика особенно интересовали видеокассеты. Поедая чипсы «Лэйс» со вкусом бекона, от которых Игорь к его удивлению великодушно отказался, он с азартом перечислял названия фильмов, которые, по его мнению, стоит обязательно посмотреть: «Тупой и еще тупее», «Эйс Вентура», «Снайпер».

Игорь только закатывал глаза.

– Чувак, из того что ты тут видишь, единственный фильм, который стоит просмотра это «Семь».

Кассета с фильмом лежала между «Голубой лагуной» и «Кровавым спортом», записанная на одной кассете с фильмом «Конвой» и обозначена цифрой «7». То, что это именно тот фильм, Игорь понял по надписи фломастером: «в гл. ролях Б. Пит, М. Фриман».

– Ты откуда знаешь? У тебя же видака нет.

– Поверь.

Они пошли навстречу ветру вниз по Заводской улице. Игорь вдыхал воздух золотой осени девяносто пятого года

и чувствовал себя так, будто ему действительно тринадцать лет. Лёгкость переполняла его. Окружающий мир тоже казался легким и чистым – воздух прозрачен и пропитан влажной прохладой, от огненных матовых пятен стелились пестрые ковры за тротуарами. Давно позабытые лица прохожих, где почти каждого ты видел хоть раз, выплывали из прошлого. Может быть, вместе с тринадцатилетним телом ему вернули еще что-то? Наивную способность верить в чудо? Но разве произошедшее не чудо? Что мешает раствориться в этой версии старого мира без остатка, позабыв обо всем за пределами теперешнего настоящего?

А может быть, и вовсе, вся его прошлая жизнь – не более чем тяжелый и странный сон? Окружавшее его было таким живым и цельным, лишенным даже намека на сновидческую бессвязность. Город, улица, люди, «копейки», «четверки» и полусгнившие «опели», Славик, этот осенний ветер и ни с чем несравнимое ощущение, что впереди еще целая жизнь.

В небольшом скверике, откуда разбегались лучи трех «Радиальных» улиц, на Игоря нахлынуло уже хорошо знакомое ему за последнее время чувство дежа вю. Он увидел то, что уже видел однажды и что запомнил в деталях и потом вспоминал в течение жизни, испытывая растущее с годами чувство вины.

Значит сегодня, подумал Игорь, ощущая, как поднимающаяся волна отзывается в теле ободряющей адреналиновой

дрожью.

В скверике двое пацанов пинали рюкзак его младшего брата, пока третий держал его за шкурку, и постоянно делал ему подножки, как будто отрабатывал какую-то технику. Пару раз Максудавалось вырваться и броситься к рюкзаку. В отличие от Игоря он любил все эти школьные принадлежности и держал их в чистоте – сам мыл свой дешевый рюкзак «Dino», точил карандаши и про запас готовил партию двойных листочков для контрольных. Но больше всего он любил большой пенал-трансформер с гоночной машиной «Уильямс», который ему подарила социальная служба города.

Эта троица хулиганов с Лесной улицы из числа самой настоящей подростковой банды, которых опасались даже взрослые. Он хорошо помнил, что сделал в тот день – спрятавшись в кустах вместе со Славиком и наблюдал. В принципе ничего страшного они Максуде тогда не сделали – слегка попинали, отобрали карманные деньги и забрали пенал. Больше с него и взять было нечего. А если бы он так уж активно не боролся за свой пенал, то скорее всего не получил бы синяк на шее и оторванную пуговицу рубашки – бывшей его рубашки. В основном Максдонашивал вещи Игоря. В любом случае, Игорь ставший свидетелем той ситуации тогда решил дать брату передышку и сам не приставал к нему пару дней. С годами этот случай вспоминать становилось все труднее. Настырно лезли в голову детали – этот пенал в луже, к ко-

торому тянется рука безмолвного брата и следом сам брат, летящий в эту лужу. Его же спокойное лицо, с которым он переносил все эти издевательства. С тем же лицом он переносил издевательства и старшего брата. Все это виделось так ярко, что сейчас он словно просматривал очередную сотню раз виденную запись.

Только на этот раз. На этот раз... Игорь сердито улыбнулся и снял рюкзак.

– Подержи, – протянул он рюкзак Славику.

– Гарик, ты чего? – испугался друг. – Ты знаешь кто это?!

Да, он знал, конечно – тот, что на голову его выше и килограммов на тридцать тяжелее имел кличку Татарин, хотя больше походил на белобрысого балта. А тот, что ростом с Игоря, бритоголовый с лицом матерого завсегдаята колоний для несовершеннолетних имел кличку Холера и его старший брат сидел за убийство. Был еще третий – ходячая бледная тень, днями и ночами шляющаяся по улицам и стреляющая мелочь у взрослых.

– Говорят, они реально пацана одного повесили.

Данилов скептически сдвинул брови.

– Он мой брат.

– Да, ему ничего не сделают, ну просто попинают немного.

Он же мелкий.

– Но он мой брат!

– Но ты ведь и сам любишь его немного... попинать...

Данилов только покачал головой.

Несмотря на возраст, мелкие хулиганы выглядели угрожающе – настоящие гопники, бритые, наглые, а тот, что с Игорем одного роста оказался вблизи довольно крепким. Игорь как-то совсем забыл, что от его привычных ста килограммов осталась едва ли хотя бы половина. На сильные боксерские удары рассчитывать не приходится. Впрочем, он и не собирался с ними боксировать.

Средний проявлял наибольшую активность в издевательствах над братом – его очевидно в отличие от других интересовали не только чужие карманные деньги, но и желание накормить своего зверя. Игорь его понимал. Он как раз сжимал Макса за шею и что-то говорил ему в ухо – жизни видать учил, только Макс все равно ничего не слышал.

– Эй, – бросил Игорь, подходя к троице. Он уже привлек внимание Татарина и Бледной тени, бывших тут, видимо на вторых ролях.

Наконец главный – Холера обернулся, выпрямился, медленно отпуская шею Макса. У него очень быстро работал этот инстинкт.

– Ты кто такой? – спросил он грубоватым ломающимся голосом, и хмуро сдвинув брови, стал стремительно сокращать дистанцию. Стандартная уловка, которая вполне могла бы напугать ребенка или обывателя. Малолетний гопник скорее использовал ее инстинктивно. Игоря это более чем устраивало.

– Сначала тебе следовало спросить, кто он такой, – Дани-

лов указал на Макса, который, не мигая, большими глазами, смотрел на старшего брата.

Холера обернулся на Макса, все еще хмурый, не допуская ни секунды усомниться, что он способен утратить контроль над происходящим. Но ситуация уже была слишком нестандартной. Обычные лоховатые школьники просто так без веских оснований не подходят к самым безбашенным хулиганам города.

– Ну и кто он такой?

– Смотри, – Игорь деловито поднял руки раскрытыми ладонями вверх перед лицом гопника, благо они были почти одного роста.

Это совсем не походило на боксерскую стойку, больше на какую-то заготовку для фокуса. Разумеется, малолетний хулиган ничего не заподозрил. Возможно, это было слишком жестоко, но Игорь Данилов не благородный рыцарь и никогда им не был. Он был мудаком, который издевался над младшим братом, но в отличие от остальных его переполняла злость на себя в сочетании с полным пренебрежением к своей судьбе. Взрывоопасная смесь.

– Это мой брат, а вот теперь я расскажу кто такой я.

Вертикальный удар локтем снизу в лицо – страшная штука даже без замаха. Как говорят тайцы – от локтей нет защиты. Это Данилов хорошо знал и не раз применял. Особенно эффективны были вертикальные удары – от них трудно защититься даже профессионалу.

Холера отступил, схватившись за лицо, из рассеченной губы по пальцам текла кровь.

– Мочите его, – сказал он неуверенно.

Татарин двинулся выполнять команду, но Игоря уже охватил азарт. Степень наплевательства на собственную жизнь и здоровье достигла наивысшей отметки, открывая дорогу безумным экспериментам.

Оттолкнув пребывающего в явном шоке Холеру, Игорь побежал навстречу Татарину. Тот уже встал в некое подобие стойки, готовясь видимо к чему-то стандартному. Еще один сюрприз – за два шага до здоровяка, Игорь оттолкнулся и с резкой разножки вынес таз вместе с коленом. До солнечного сплетения он, конечно, не дотянулся, но от такого мощного удара коленом, не защищали даже руки – Татарин согнулся, схватившись за живот. Не останавливайтесь, говорил внутри голос тренера по самообороне. «Летящее колено», конечно, не менее страшная штука, но у него в запасе был еще один привет из двадцать первого века.

Вынос колена вперед и обманный удар задней рукой – знаменитый супермен панч прошел идеально. Получив сокрушительный удар в лицо, Татарин зашатался и, в конце концов, опустился в лужу.

Увлечшись красотой ударов, Игорь позабыл о третьем и, хотя предупреждающий крик Славика вдали он услышал, но среагировать не успел. Его лицо встретило удар кирпичом. Во рту что-то хрустнуло и мгновенно заполнило свинцовым

вкусом.

Но Игорь уже превратился в зверя. Никакой боли и никакого страха он не чувствовал. Здесь хватило обычного апперкота и брошенного следом реквизированного кирпича. Кирпич угодил Бледной тени прямо между лопаток.

– Да что вы творите! – раздался где-то рядом женский крик.

За убегающей тенью ковыляли Татарин и Холера. В азарте Игорь бросился за ними, те ускорились, но сам Игорь поскользнулся на мокрых листьях и упал на спину.

Вскоре на фоне пасмурного неба появились два одинаково изумленных детских лица.

– Чувак! Что это было? – спросил с придыханием Славик.

– Это называется тайский бокс, Славик.

– Чувак! Ты мой кумир!

«И мой тоже», – жестами добавил Макс.

Игорь улыбнулся окровавленным ртом.

– Помогите подняться, парни.

Подняться ему помогли и, опираясь на плечи брата и друга, он заковылял по радиальной улице. Листья шуршали под ногами, в лицо летела холодная изморось, во рту недоставало двух зубов. Он был счастлив.

Глава 5

В двадцать два года ему шинировали сломанную в драке с ворами челюсть. Военный врач старательно протискивал жесткую проволоку между зубами и накрепко скручивал ее специальными пассатижами. Утомительная процедура окончилась тремором рук и забрызганным кровью фартуком, который словно слюнявчик ему положили на грудь. Посещая утром поликлинику, Игорь рассчитывал на нечто подобное, но детская стоматология девяностых оказалось не такой уж «пыточной». Стоматолог, не переставая шутил, предлагал считать про себя и постоянно хвалил юного героя, не издавшего даже писка – редкий случай в его практике. С тех пор как он оказался в собственном прошлом, несовершенство памяти проявлялось все чаще, став для него отдельным открытием. Чаще всего память ошибалась в габаритах. Люди, помещения и расстояния в ней виделись больше, подростковые проблемы казавшиеся катастрофами, на деле не стоили выеденного яйца. А вот нечто незначительное, вроде вранья взрослых напротив обнажало чудовищные масштабы их безответственности.

Вечером Игорь лежал на своей заправленной кровати, старательно терпя угасающую боль. В поликлинике он встретил одноклассника Кустанайского и стрельнул у него две сигареты «Viceroy». Одну выкурил прямо во дворе и его чуть не

стошнило. Неудивительно – первое знакомство с сигаретой для этого организма должно состояться только через полтора года, но нестерпимое желание закурить вновь подтверждало теорию о психологической природе этой зависимости. Сигарета лежала в нагрудном кармане рубашки, но он не решался закурить в присутствии брата, который сидел рядом за столом и прилежно делал уроки. Весь день шел дождь, и даже теперь, когда к нему прибавились аномальные для октября громовые раскаты, было слышно, как ругались в соседней комнате родители. Игорь перебрал все предметы на своей полке: коллекцию мелких игрушек из «киндер-сюрпризов», большой нагрудный значок из авиационного института, неработающий плеер без крышки, который он нашел на школьном дворе, три тома романов Джеймса Хедли Чейза и большую книгу про индейцев. Наверное, с тех пор он ничего не читал.

Игорь посмотрел на брата – тот старательно писал что-то в толстой тетради. В свете настольной лампы его сосредоточенное лицо излучало какую-то недетскую погруженность. Возможно, потому что шум никогда не отвлекал его. Он всегда делал уроки, когда Игорь не доставал его и когда родители были дома, словно это было его любимым занятием. А вот когда мать и отец уходили на работу, для Макса наступали черные дни. Но только не теперь.

Заметив, что Игорь смотрит на него, Макс поднял взгляд. «Как учеба?» – спросил Игорь.

На какую-то долю секунды бровь Макс изогнулась – очевидно, ему еще не удавалось до конца принять столь стремительные изменения в старшем брате.

«Ненавижу литературу. И язык», – ответил он жестами, умудряясь при этом удерживать гибкими пальцами шариковую ручку.

Русский язык, догадался Игорь.

«А точные науки?»

«С ними проще. А у тебя?»

Игорь махнул рукой.

«Мне уже поздно меняться».

«Но ты меняешься».

«Просто взрослею».

«Странно все это».

«Ничего странного. Позже ты поймешь».

Макс слез со стула, потянулся и, облокотившись о стол, бросил быстрый взгляд в окно.

«Как?» – спросил он, коснувшись пальцем собственной щеки.

«Бывало и хуже», – Игорь откинулся на подушку, услышав за окном тарахтение двигателя и дребезжание дырявого глушителя. Вторая Радиальная улица, на которой они жили, больше походила на утопающий в зелени крохотный переулок с тремя трехэтажными домами по каждой стороне, отделенными широкими палисадниками с яблонями и грушами. От силы раз в час по ней проезжала машина – Игорь за-

был, что такое настоящая подмосковная тишина. В его квартире на Стромынке рев двигателей, сирен, крики и трамвайные звоны не утихали никогда.

Брат снова бросил быстрый, почти незаметный взгляд в окно и стал спешно убирать учебники в рюкзак, а потом будто опомнившись, замедлился, посмотрел на Игоря и взял со стола свой большой пенал-трансформер.

Умный парень, подумал Игорь, наблюдавший за ним, сообразительный, но все же, бедолага Макс, ты, к сожалению, не знаешь преимущество слуха.

«Уходишь?» – спросил Игорь.

«Мне надо зайти к Ж».

К Жорику, догадался Игорь. Его глухой одноклассник, живущий ровно через один дом в угловой трехэтажке. Вечером родители разрешали Максу выходить только к нему. И все же, подумал Игорь, ведь в случае чего он даже не сможет позвать на помощь.

Как только Макс вышел из комнаты, Игорь тут же вскочил и выглянул в окно. В самом начале улицы стоял автомобиль. За кустами он сумел разглядеть только рубленый рыжий капот, но его было достаточно, чтобы узнать раритетную «Volvo 850».

Игорь открыл створку арочного окна – ту самую, через которую через пять дней Макс сбежит из дома, и достал слегка помятую сигарету, чиркнул спичкой, закурил, разглядывая рыжий капот за кустами.

Сквозь звуки дождя отчетливо раздалось клацанье двери. «Вольво» тронулась и, прошелестев по лужам, поплыла по улице, набирая ход. Игорь заметил, что все окна ее были затонированы. Он нахмурился. В глазах потемнело от никотина, скрутило внутренности, но зубная боль отступила. Игорь взял с полки календарик за 1995 год, щурясь от табачного дыма.

Мать пришла с работы час назад, значит завтра у нее ночная смена. Через четыре дня новый цикл, и двадцать четвертого октября – в ночь исчезновения Макса снова ночная смена. Пока все шло своим чередом.

Голоса родителей переместились в прихожую. Отец опять собирался куда-то по делам. Последнее время он уходил все чаще. Игорь знал, что он готовится, но не мог вспомнить, почему его не было в ту ночь. То есть, настоящую причину он, конечно, знал, но не помнил, какую он использовал для этого «легенду».

Но, кажется, прямо сейчас он ее озвучивал.

Игорь выбросил сигарету в дождь, закрыл окно и подошел к двери.

– Ира, ты думаешь, я прыгаю от счастья, что посреди рабочей недели мне нужно переться в Москву, а оттуда рано утром на работу?! Но я что, по-твоему, должен сказать – извини – не могу, встретимся через три года? – говорил отец тоном, от которого за версту несло ложью.

– Но почему бы не предложить им приехать к нам на вы-

ходные? – вяло сопротивлялась мать.

– Ты меня слушаешь?! Он не в отпуск приехал, Ира! У него операция! Дали направление в госпиталь, у него всего один свободный день. Он заедет к матери в Новогиреево.

– Кто приехал? – спросил Игорь, выходя из комнаты.

Отец, сидевший на обувной скамейке, бросил на Игоря недовольный взгляд – дескать, тебе-то еще что за дело. Но поскольку рядом стояла мать, и ее, судя по напряженной позе и скрещенным на груди рукам, пока не совсем удовлетворяли объяснения отца, он сдержался.

– Сослуживец, друг мой старый, – сказал отец, с кряхтением натягивая ботинок, – вместе служили в Забайкалье. Остался служить по контракту. Дурак.

– Какое у него звание?

– Прапорщик.

– Будете пить, небось, и шляться по барам? – спросила мать.

– Пить перед операцией?! Шляться?! Он же с женой, Ира! Им и мне рано вставать. Посидим, поболтаем, обычный ритуал. Слушай, мне это начинает надоедать, – отец встал, приложил ладонь ребром к шее, – мне это вот где все! Но если друг приезжает раз в три года, я что должен послать его?

– Да ладно, господи, езжай куда хочешь, – с неохотой согласилась мать.

– Ты сказал он приехал на операцию с женой? – Игорь облокотился о дверной косяк.

– Тебе-то что надо? – рассердился отец.

– А его жена приехала за свой счет?

– Чего?

– Если он военнослужащий и приехал на лечение, значит, бесплатный проезд положен только ему. Они приехали на поезде или на самолете?

– Ты чего болтаешь?

Игорь развел руками.

– Просто разговариваю.

– Характер тут, что ли показываешь, щенок?! – нехорошо прищурился отец.

– Коля, перестань! Ему и так досталось.

– Ему досталось?! Тебе говорили, кому там на самом деле досталось?

– Он защищал Макса от хулиганов.

– Он?! – усмехнулся отец, указав на Игоря обувной ложкой. – Макса?! Да он же сам бьет его каждый день!

– А что же там было? – испугалась мать.

– Да вот, что было! Он избил каких-то детей, набросился на них с кирпичом. Я знаю, что с тобой происходит, – отец поглядел на Игоря, – дурная кровь! Съехал с катушек. Этого уже не изменишь. Матери сказали, что ты в школе нахамил учительнице вчера. А сейчас смотри, стоит тут с наглым видом, пропах весь табачищем и дерзит! Ага, защитил он Макса! Этот соврет и глазом не моргнет!

– Игорь, – мать посмотрела на него, – это правда?

Данилов покачал головой.

– Они хотели отобрать пенал Макса.

– Не стыдно врать-то? – ухмыльнулся отец.

– А тебе?

Отца это вывело из себя, он схватил сына за шею, прижал к стене, замахнулся. Игорь увидел близко его разъяренные глаза.

– Так и треснул бы!

– Коля! – перепугалась мать. – У него зубы!

– Надо было тебя ремнем воспитывать, как меня в свое время. А это все ты, – сказал отец, отпуская Игоря и поворачиваясь к матери, – видишь, в кого он превращается.

– Игорь, правда, изменился, но... – мать с грустью смотрела на сына, – я не понимаю, что с ним происходит.

– Не понимаешь?! – отец покачал головой, открывая дверь. – Я тебе скажу, что с ним происходит!

Два удивленных лица посмотрели на него.

– Твой сын растет бандитом! Вот что!

Отец хлопнул дверью. Игорь посмотрел на мать, затем опустился на обувную скамейку, и стал натягивать кроссовки.

– А ты-то куда? – растерянно спросила мать.

– Пойду, прогуляюсь.

– Не обращай внимания. На него сейчас много навалилось.

– Все будет хорошо, мам.

Мать подошла к нему, Игорь посмотрел на нее снизу вверх.

– Бандит, – сказала она с грустной улыбкой и погладила его по голове.

Выйдя из дома, Игорь прошелся по улице, с которой дождь согнал и без того редких прохожих, затем вышел на пустынный школьный стадион и подставляя разгоряченное лицо холодным каплям дождя, задумался – что же он все-таки тут делает. Этот вопрос рефреном среди прочих звучал все настойчивей. Происходящее с ним – бесценный дар, но он не верил, что этот дар ему достался просто так. Его не покидало ощущение, что чья-то таинственная воля умышленно нарушила законы мироздания. Он решил, что будет делать все, чтобы не допустить того, в чем винил себя много лет. Да, против предательства отца он, скорее всего, бессилен, но он может спасти брата, а значит и мать – ведь один удар ей по силам выдержать. Вчерашние события показали, что однажды уже случившееся не так уж определённо. Да, он не понимал и сомневался, что вообще способен понять, как такое возможно, но все же Макс полчаса назад вышел из дома со своим пеналом. Тем самым пеналом, которого в этот же день двадцать семь лет назад у него уже не было.

Игорь вернулся к дому, присел на скамейку напротив подъезда под скрытым в остатках листвы фонарем и, увидев с краю потемневшую надпись «Garry and Slavian 16.07.94», улыбнулся. Он вспомнил тот жаркий июльский день, когда

Славик нацарапал ее своим крутым складным швейцарским ножом, который ему родители подарили «просто так», а не на Новый Год или в день рождения.

Со стороны улицы раздалось дребезжание дырявого глушителя. Игорь вскочил и, скрываясь за кустами, обогнул дом вдоль «пяточка». По Второй Радиальной улице рыча, удалялась рыжая «Volvo 850». Игорь прищурил левый глаз. Как только машина свернула с улицы, в тишине послышались шаги. Выглянув из-за кустов, он увидел Макса, идущего по отмостке перед домом своей обычной быстрой походкой. В руке он сжимал пенал.

Игорь почесал подбородок, чувствуя, как просыпается старый полицейский инстинкт.

Вернувшись домой, он первым делом заглянул в комнату.

– Игорь, это ты? – крикнула мать с кухни.

– Я. – Игорь оглядел полутемную комнату. Взгляд остановился на пенале, лежавшем на краю стола возле аккуратно сложенных тетрадей Макса.

– Иди ужинать.

– Сейчас!

Игорь вошел в комнату. Раньше Макс всегда его прятал, как и другие свои любимые вещи, чтобы Игорь не нашел их и не испортил. Но теперь видно все же что-то менялось.

Данилов подошел к столу, взял пенал, открыл верхнюю крышку и увидел сложенные вчетверо тетрадные листки, исписанные сложными формулами с набором букв, дробей и

непонятных символов. На нижнем листке наспех были нарисованы три таблицы, заполненные цифрами. А под ними в углублении лежала средней толщины пачка знакомых банкнот, отличавшихся лишь переизбытком нулей. Игорь достал пачку. Двадцать пятидесятитысячных купюр. Сколько это по современным меркам? Много или мало? Он слышал, как мать жаловалась, что картошка подорожала и дешевле двух тысяч ее теперь не найти.

Многовато для школьника. Игорь уложил листки и деньги на место, аккуратно вернул пенал на край стола, и направился на кухню. Макс с аппетитом ел жареную картошку – их любимую еду и запивал молоком, качая ногой. Трудно было что-то понять, глядя на него. Игорь нахмурился и сел напротив, куда мать поставила тарелку с картофельным пюре – «из-за зубов», пояснила она.

Пятничное утро началось со сдвоенных уроков труда. Игорь сразу ощутил повышенный интерес одноклассников к своей персоне. Дело было конечно не только в том, что вчера Славик растрепал о его подвигах в духе Джеки Чана. Город не такой уж большой, слухи перетекли в школу и по другим каналам, если уж даже его отец – младший научный сотрудник ВНИИКОПа был в курсе, хотя информация дошла до него явно в искаженном виде. Более красноречиво о «подви-

ге» говорила боевая ссадина на щеке от удара кирпичом. На него бросали заинтересованные взгляды, переговаривались.

Наконец, в столярной мастерской пацаны обступили его и прямо спросили:

– Говорят, ты с Холерой подрался?

– И с Татаринцом?

Окружив Игоря, одноклассники ждали ответов. Святая наивность! Двадцать семь лет назад он бы прыгал от счастья, заполучив такое внимание и мигом взлетевший авторитет, и, разумеется, в красках описал все свои выдающиеся достижения, но сейчас он только усмехнулся.

Впрочем, ответить ему бы все равно не дали – в мастерскую влетел худошавый невысокий старик в черном халате с седыми всклокоченными волосами и совершенно безумным перекошенным лицом. Бросившись с диким криком на трех пацанов, забравшихся с ногами на верстак, он попытался ухватить ближайшего – лопоухого Серого, но все трое ловко разбежались, будто только этого и ждали, а старческая рука лишь скользнула по рукаву джинсовки.

– Мать твою за ногу! – затопал ногами старик и метнул молоток в убегающего Серого.

Игорь даже приоткрыл рот от изумления – столь неожиданным было появление трудовика. Хотя в те годы, это не было чем-то необычным. Он был ветераном великой отечественной войны и вел у них уроки с пятого класса. Впрочем, уроки – громкое название – за все годы без исключения уро-

ки труда сводились к его появлению с небольшим опозданием, на котором он устраивал подобные взбучки, после чего распределял всех на бессмысленные работы – от подметания полов и уборки снега до разборки хлама, которыми были завалены мастерские. Затем он исчезал до следующих занятий. Иногда впрочем, он неожиданно появлялся, чтобы напугать зазевашегося «бездельника», схватить его за шкуру, потрясти, обматерить, на радость хохочущим одноклассникам, а если увернется – швырнуть в него чем-нибудь.

Самой работой никто не занимался, кроме отличника Наумова. Трудовик ее никак не контролировал, не принимал результаты и, судя по всему, назначал на нее только для очистки совести.

В основном уроки трудов означали игры, блуждания по школе, и школьному городку или подготовку к другим занятиям в виде списываний «домашек». Поскольку Игорь жил рядом со школой, они иногда со Славиком ходили к нему домой, чтобы посмотреть телевизор и заодно поесть бутербродов, поскольку Данилов нечасто тратил сладкие минуты утреннего сна на завтрак.

Трудовик схватил с верстака журнал, надвинул со лба очки.

– Так! Шейх Афанасьев! – пронзительно объявил он. – Сеньор Бахтин! Мистер Садчиков! На уборку листьев!

Он гневно оглядел окружавшую его толпу школьников.

– Вы еще тут?!

Трое парней, включая Славика, неохотно двинулись в сторону дверей, но трудовик уже утратил к ним интерес – он вдруг согнулся в три погибели и стал по-кошачьи подкрадываться к Лехе Корчагину, который хихикал с Вадиком, с которым они разглядывали какой-то журнал. Леха опрометчиво повернулся к трудовику спиной. Однако насторожившись внезапной тишиной Леха и Вадик, наострили уши, как зайцы замотали головами и вскоре с визгом сорвались с места. Описав дугу, они махнули через ряд сдвинутых верстаков. Трудовик ловко вспорхнул на столы и бросился им наперерез, успев, на бегу огреть Леху классным журналом по голове. Пацаны выбежали из мастерской. Трудовик последовал за ними, оставляя только оглушительный топот и крик.

На этом видимо все, подумал, Игорь и правда – прошло уже минут десять, а трудовик так и не появился. Все постепенно разбрелись, вскоре в слесарной мастерской никого не осталось, но Игорь не спешил уходить. Он медленно как в музее бродил по большой мастерской, разглядывал токарные станки, полувековые пыльные стенды с нарисованными советскими школьниками в фуражках и гимнастерках, и схемами расточек. Все дышало далеким прошлым – затянутые паутиной высокие потолки, старинные двери, старая школьная доска, на которой никто никогда не писал. Открыв дверь в соседнюю механическую мастерскую, которая была чуть поменьше слесарной, он увидел второгодника Филиппа Кустанайского, который сидел за дальним верстаком у откры-

того окна. В зубах его дымилась сигарета, а в руках – паяльник.

Этого факта биографии Кустанайского Игорь совсем не помнил.

– Как зубы? – спросил Кустанайский, бросив на Игоря короткий взгляд.

– Нормально.

Кустанайский был на пару лет старше, и походил больше на мужика, чем на школьника.

– Ну, ты даешь. – Сказал он с усмешкой и приложился паяльником к какому-то проводу.

– Ты чего тут делаешь?

– Да вот, Петрович попросил...

Кустанайский был парнем немногословным – в те редкие моменты, когда какой-нибудь учитель называл его фамилию, он медленно поднимался со своей задней парты и просто молчал. После чего получал двойку или тройку из жалости, если учителю все-таки удавалось выдавить из него пару слов. Игорь не мог вспомнить общался ли он с ним в предыдущей версии своего детства. Вчера он встретил его в поликлинике, а сегодня здесь. Кажется, за эти два дня он перевыполнил в этом вопросе норму всей прошлой жизни. А Филипп оказался не совсем уж круглым двоечником. Во всяком случае, вряд ли бы трудовик доверил кому-то паяльнику. Впрочем...

– Петрович? В смысле трудовик?

– Ага.

- А это? – Игорь указал на сигарету. – Тоже разрешает?
– Да он через час только придет.

Игорь огляделся. Механическая мастерская была завалена хламом, словно гараж прижимистого пенсионера, полвека таскавшего барахло со всех окрестных помоек. За спиной Кустанайского Игорь заметил еще одну дверь – ту, которая всегда была закрыта, и в которую иногда заходил трудовик, но сам никого туда не пускал. Сейчас дверь была приоткрыта. За нею был виден стол, над которым аккуратно висели инструменты, а также целые пирамиды всевозможных коробок и баночек. Игорь перевел взгляд на Филиппа и заметил, что на верстаке у его правой руки между пачкой сигарет «Viceroy» и баночкой с припоем лежала связка ключей с кожаным ремешком вместо брелка. Такие же ключи были у трудовика. Возможно, даже это те же самые ключи. Значит, трудовик доверял Кустанайскому не только паяльник.

Глядя на одноклассника, который шмыгая носом, уверенно орудовал паяльником, Игорю пришло на ум поинтересоваться:

- Слушай, Фил, как думаешь, сложно собрать такую штуку, чтобы одна только давала сигнал, а вторая принимала?
– Одностороннюю?
– Ага.
– А на фига? Петарды взрывать?
– Да, нет. Просто звуковой сигнал.
– Да легко. – Филипп потер тыльной стороной ладони чер-

ную щетину на подбородке. – Реле, пульт нужен. От брелка можно взять. Ну, еще преобразователь и батарейка. Тут кстати у Петровича оху...ные акумы есть.

– А здесь такую можно собрать?

Кустанайский задумчиво посмотрел на Игоря.

– Легко.

После урока истории пожилая классная руководительница почти всю перемену мучала Данилова деликатными, но утомительными приемами советской педагогики. Заверив учительницу, что ни в семье и у него лично никаких проблем и дурных склонностей нет, и пользуясь тем, что кабинет начали заполнять назойливые шестиклассники, Игорь поспешил на следующий урок.

Но выходя из кабинета истории, он испытал странное ощущение – пространство вокруг будто изменилось или изменилось что-то в нем самом. Дети вокруг продолжали также орать и бегать по рекреации, портфели скользить по истоптанному паркету и молодая учительница физики, высунившись из соседнего кабинета, ругалась на какого-то Плебеева.

Они вели себя так, будто мир был прежним, но он изменился – Данилов это хорошо чувствовал. Детали вокруг стали настолько яркими, что ему требовалось время и усилия,

чтобы оторвать от них взгляд. Сейчас он рассматривал золотое кольцо России, изображенное в виде неровной петли с фрагментами городских пейзажей. Церквушка нарисованная прямо на стене так что под желтым куполом была видна трещина, уходящая ниже – в букву «В» в начертанном в старорусском стиле слове «Иваново».

– Ты выходишь? – спросил у него очкастый шестиклассник в шерстяной жилетке надетой поверх белой рубашки. Взгляд Данилова остановился на медном крестике у него на шее и тут он понял, что не пространство изменилось, а время, потому что слова шестиклассника звучали так: «Т-т-т-ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы-х-х-х-о-о-о-о…»

Игорь шагнул из класса. Следующий урок литературы на этом же этаже, в противоположной рекреации, ему надо просто пройти по коридору. В лицо неожиданно подул сильный ветер, будто кто-то пооткрывал все окна, хотя это невозможно – ведь окна в школе защищены от открывания детьми.

Четвертый этаж, коридор между кабинетом истории и кабинетом литературы, восьмой класс… Все сложилось воедино. Он понял, в чем дело. Тот самый день и вот-вот – тот самый миг. Уже зная, что его ждет, Игорь двинулся по коридору, одновременно медленно поворачивая голову в «исторически правильном» направлении.

Анна Вайсс шла навстречу. Также медленно и в этом загадочном ярком свете в его голове, который позволял растянуть краткий миг и разглядеть все детали.

Уверенная походка, обтягивающие голубые джинсы, редкая в те годы желтая американская толстовка с длинными рукавами, из которых выглядывают только пальцы. Черные вьющиеся волосы, белоснежная кожа лица и открытой шеи, под которой билась неведомая ему высшая форма жизни. И конечно глаза – эти еще совсем юные, огромные, странные глаза, которые ему снились.

Данилов слышал много сравнений и до и после, но больше всего это походило на удар волны. Плавать он научится поздно, в четырнадцать лет, и если кто-то, также как он, не умея плавать, во время купания в море попадал в отходящую волну, то он понимает это чувство. Земля уходит из-под ног, тебя охватывает паника, и ты ощущаешь полную власть над собой этой мягкой теплой, но бесконечно могущественной силы. Ты сбит с толку и как землю под ногами, навсегда утратил покой.

Прекрасные глаза проигнорировали его тогда. Для них он был частью окружающего мира. Его любовь всегда была тайной, ни разу невысказанной, но понятой по взглядам позже. Мог ли он на что-то рассчитывать, даже если бы она не встречалась с крутым старшеклассником? Не такой уж сложный вопрос, но мечтать ему никто не запрещал.

Игнорировали эти глаза его и сейчас. Потрясенный повторением одного из самых ярких событий своего детства, он не хотел просто так распрощаться с ним. Игорь замедлил шаг и это замедление, растянутое на миллиарды лет превратилось

в полную остановку, словно он приближался к космической черной дыре.

Разглядывая эти незабываемые черты лица, эти огромные загадочные глаза, он увидел и нечто новое. Легкая морщинка над слегка приподнятыми над переносицей бровями. Огромные радужки медленно двинулись в сторону. «Незаметный взгляд удивлённых глаз...», вспомнилась никогда неисполняемая строчка из песни о школьной любви. Что тому стало причиной – его остановка или неспособность совладать со своей восхищенной улыбкой, но в этот раз... В этот раз она посмотрела на него.

– У-у-у-у-у, – загудели одноклассники в конце коридора.

Вечером Игорь застал брата у окна, повторяющим тот же странный жест – прямая рука и ладонь, проведенная перед лицом, будто он протирал стеклянное забрало невидимого шлема.

«Что значит этот жест?» – снова спросил Игорь, когда Макс обернулся.

Брат выглядел непривычно напуганным: большие глаза моргали, будто в них бил яркий свет.

Никаких жестов, никакого ответа.

«Макс?»

«Мне страшно», – ответил Макс.

«Что происходит?»

Макс молчал, и Игорь не хотел давить на него.

«Дело в людях за окном?»

Брат покачал головой.

«А в чем?»

«Я не знаю. Пока не знаю».

Игорь положил руку ему на плечо.

– Помнишь, что я говорил тебе? – спросил он на этот раз

голосом.

Макс прочитал по губам и кивнул.

– Вот, – Игорь вытащил из кармана металлический брелок в форме мини-рации с небольшой антенной и кнопкой по центру.

Макс заинтересованно посмотрел на брелок, взял в руки.

– Попробуй.

Макс нажал кнопку. Игорь поднял руку, в которой пиликал крошечный приемник, и мигала зеленая лампочка.

– Я услышу, – сказал он, глядя на младшего брата и тот неожиданно обнял его.

Глава 6

Через двадцать семь лет холмистое поле, расчерченное линиями аллей под уголья и сады Совхоза имени Ленина, превратится в застроенный до горизонта микрорайон. В тесном лабиринте многоэтажек разместятся типовые дворы с детскими площадками, овощные магазины, пекарни, парикмахерские, турагентства, аптеки и стоматологические клиники с врачами с сомнительным образованием. Дворы наполнятся детскими криками в разгары долгих летних дней. Землю, в которой некогда копались видновские огородники, накроет асфальт васильковых, кленовых, ясеневых и березовых улиц, по которым будут маневрировать кредитные «Киа» и «Хендаи». На лавочках в летние ночи зазвучит молодой смех, поднимающийся выше двадцатых этажей, мешая спать стареющему поколению первых поселенцев. Где-то там зародятся первые чувства и начнут притираться старые. Вчерашние дети из панельных многоэтажек закончат школы, непрестижные институты, обзаведутся своими семьями и своей малой родиной. Жизнь пространства не такая уж долговечная.

Но сейчас на месте этой будущей жизни за стадионом «Металлург» простиралось лишь огромное поле, по которому ветер гонял последние листья, приносил на трибуны холодную изморось и запах прелых яблок из одичалых совхоз-

ных садов.

Когда-то давно, хотя быть может, это было прошедшим летом, Игорь со Славиком и другими ребятами ходили по центральной березовой аллее почти до МКАД, где на обочине подростки постарше мыли машины, набирая воду в пластиковые ведра из ближайшего пруда. За аллеей располагалось клубничное поле, которое охранял мужик с топором. Кража раздутых (как они думали тогда – от пестицидов) ягод представляла собой отдельный аттракцион: на низких грядках не спрячешься в пестрой одежде и, передвигаясь все дальше в поисках ягод послаще и покрупнее не стоило забывать поглядывать по сторонам. Рано или поздно на краю поля появлялась фигура с топором, и адреналиновый жар прокатывался с головы до ног. Не в силах сдержать эмоции с криками они бежали за аллею, но мужик с топором, хотя и был далеко, не отставал. Спрятавшись, пережидали в кукурузе или яблоневоm саду, со страхом понимая – уходить рано, ведь припасенный пакет заполнен клубникой только на треть, а дома ждали сахар и сметана.

Когда-то давно, хотя быть может, это было в прошедшем сентябре, на дне города прямо во время концерта в этом поле рухнул вертолет. Глядя на пикирующую к земле горящую машину, Игорь думал, что это часть представления. И даже когда вертолет воткнулся носом в огороды под крики изумленной толпы и от него пошел черный дым, многие вокруг тоже считали это частью «шоу». Странное шоу – пугать лю-

дей. Но он верил в это до тех пор, пока не прочитал в газете «Видновские вести» заметку о том, что пилот в реанимации.

Воспоминания накатывали волнами, не давая опомниться. Игорь сидел на верхней скамье трибуны перед футбольным полем, вокруг которого по гаревой дорожке только что закончила бегать крошечная фигурка в модном спортивном костюме с толстовкой и теперь разминалась в секторе для метания копья.

Когда-то эта фигурка равнялась для него вселенной – пугающей и манящей одновременно, которую можно было бесконечно исследовать и никогда не понять до конца, а сейчас он собирался просто спуститься и заговорить с ней. Это казалось совсем несложно, особенно находясь здесь – с вершины трибун «вселенная» походила на обычную девчонку. Он не собирался завоевывать ее благосклонность, а просто произнести фразу из шести слов, два из которых были предлогами. Ну, может еще одно – «привет», чтобы совсем не приняла за придурка. Не такая уж сложная задача. Однако прошло уже тридцать минут, он дрожал от холода, но не мог сдвинуться с места. Впервые за время пребывания в собственном детстве, Данилов по-настоящему чувствовал себя тринадцатилетним подростком.

Напрасно он убеждал себя, что если разговор не завяжется – просто скажет, что должен и уйдет – колени дрожать не переставали. И все же лучше места и времени не найти. Вокруг нее будет всегда много друзей и приятелей. Только

здесь на пустом стадионе есть шанс, что его слова она запомнит. Даже, если они ее напугают.

Игорь поднялся. С поля подул сильный ветер.

– Привет.

Она делала перекаты. Взгляд прошелся по ее гибкой ноге до кроссовка «FILA», к которому она тянулась кончиками пальцев. Игорь посмотрел сверху на ее круглый красивый лоб и сверкающий от пота закругленный кончик носа, устремленный к земле. Он только сейчас заметил, что у нее от природы невероятно длинные ресницы и оттопыренные уши – такие же, как у него, только более аккуратные.

Прежде чем поднять на него взгляд, она посмотрела на его дырявые кроссовки «Адидас» из советской серии, которые отец Игоря бесплатно раздобыл на складе, где подрабатывал грузчиком. Неудачный заход, подумал Игорь. Во рту пересохло, он напрочь забыл, что когда-то был взрослым, а перед ним обыкновенная школьница. Ладно, не совсем обыкновенная.

Наконец, она подняла на него свои удивительные глаза.

– Мы знакомы?

Если это все еще чудесный сон, то ему снова пришлось удивиться, как его создателям удалось скопировать даже этот звенящий голосок с едва уловимым акцентом, который

часто растворялся в заразительном смехе, разносящимся по школьным коридорам его детства.

– Вчера я видел тебя в школе и...

Игорь замялся.

– Что «и»?

– Раньше я тебя не видел. – Соврал он. – Ты новенькая?

Анна сделала перекат на другую ногу.

– Да. Вчера был первый день.

– И как тебе школа?

Она поднялась. Оказалось, что эта невысокая девчонка одного с ним роста.

– Слушай, мне нужно тренироваться.

Она направилась по гаревой дорожке к финишной линии стометровки. Игорь двинулся следом.

– Да, конечно, извини, я только хотел...

– Аня! – раздался женский голос с конца трибуны.

Игорь увидел ее мать с маленькой сестрой и крупного мужчину в кожаной куртке, который быстро шел в их сторону.

– Все в порядке! – крикнула Анна, махнув рукой.

Мужчина остановился на краю беговой дорожки и стал хмуρο глядеть в их сторону.

Игорь знал, что ее отец выглядит совсем иначе, значит это...

– Твой тренер по фристайлу? – спросил Игорь.

Аня с удивлением на него посмотрела.

– Нет. Мой тренер придет завтра. Только причем тут фристайл?

– Разве ты не фристайлом занимаешься?

В огромных странных глазах он заметил испуг и понял вдруг, каким на самом деле грозным оружием обладает. Анна Вайсс начнет заниматься фристайлом позже и возможно фристайл существует пока только в ее мечтах, которые она ни с кем не обсуждала.

– Я занимаюсь лыжными гонками, но почему ты сказал про фристайл?

– Мне кажется, он больше подходит тебе. Фристайл или, возможно, горные лыжи.

Она бросила на него еще один подозрительный взгляд, и сразу стало понятно, что непринужденного общения не выйдет.

Кроме того у финиша стометровки, со второго ряда трибун поднялась ее мать – Игорь вспомнил ее некрасивое надменное лицо. Удивительно, как у нее родилась такая дочь. Игоря она явно не одобряла – бедная одежда, ссадина на лице. Уж точно не такие мальчики должны находиться рядом с ее милашкой. Игорь ее понимал.

– Аня, ты уже закончила? – спросила она со стальными нотками в голосе, что можно было перевести как: Ты сюда тренироваться пришла, или болтать с малолетними хулиганами?

– Нет, – ответила Анна, и Игорь уловил в ее голосе те же

стальные нотки, направленные на этот раз в адрес матери.

Утомительная родительская опека, догадался Игорь.

Высокий мужчина с хмурым лицом ошивался поблизости и Игорь, наконец, догадался, что это охранник. Отец Анны сильно разбогатеет в начале нулевых – отчасти это станет причиной трагедии, но уже в девяностые он был состоятельным коммерсантом. Вот только он не помнил, чтобы у самой Анны были какие-то охранники.

Игорь посмотрел на ее мать, и рядом за парашетом младшую сестру Анны – девочку лет пяти, которая пальчиками извлекала что-то из маленькой упаковки и совала в рот, с интересом глядя на Игоря.

Он помнил ее стройной девушкой, но не такой красавицей, как старшая сестра.

– Слушай, на самом деле, я подошел к тебе только, чтобы сказать одну вещь...

Анна тут же нахмурилась, очевидно, ожидая какой-то глупый подростковый комплимент, или упаси господи признание в любви.

– Слушай, мне, правда, нужно тренироваться, – поспешила она прервать его.

Открывший было рот, Игорь вздохнул. Вероятно, она права. Он совсем не учел, что в ее глазах он всего лишь малолетний придурок с детским лицом и писклявым голосом. Кто поверит, что он говорит о чем-то серьезном, особенно если его слова звучат как бред. Все-таки стоило остановиться на

первом варианте и отправить ей анонимное письмо.

– Ладно, – сказал Игорь, – извини...

Он уже развернулся, но с трибуны раздался крик.

Мать Анны била младшую дочь по спине. На округлившемся лице девочки застыла маска откровенного ужаса. Руки тянулись к горлу, рот широко открывался, лицо багровело на глазах.

Аня бросилась к трибуне, мать уже ударилась в панику и не знала, что делать. Охранник оттолкнул ее, схватил девочку и стал долбить по спине.

– Кашляй! – басил он. Но она не могла кашлять, самый худший вид асфиксии – то, что перекрыло ей дыхательные пути, не пропускало ни грамма воздуха. Четыре-пять минут, вспомнил Игорь. Все что у нее есть.

Охранник поняв, что удары по спине не помогают, тоже начал терять самообладание. Анна с матерью набросились на девочку, крича и хлопая ее по животу и спине.

Мужчина тем временем достал кирпичеобразный сотовый телефон, вытянул антенну.

– Не успеешь, – сказал ему Игорь, положив руки на парапет трибуны, – у нее всего несколько минут.

– Че?!

Охранник строго на него посмотрел, словно не понимая, кто к нему обращается.

– Возможно, на стадионе есть врач, под трибунами администрация стадиона.

Мужик надо отдать должное соображал быстро – не убивая телефона, он прыгнул прямо через парапет и побежал за трибуны.

Игорь посмотрел в лицо девочки. Губы ее уже посинели как у мертвеца, а в детских заплаканных глазах, такого же цвета как у Анны, он увидел то, что видел уже не раз – страх смерти. Но ведь она не должна умереть, отклоняясь от парапета, подумал Игорь.

– Кашляй, Анфиса! – кричала мать в истерике, но сил бить по спине своего умирающего ребенка у нее уже не было.

Оттолкнувшись от земли, Игорь перескочил через парапет, схватил за отворот детскую курточку и рванул на себя. Затем развернул ребенка к себе спиной, нащупал под тонкой кофточкой подвздошные кости.

Аня и мать замерли, реагируя на его уверенные движения. Игорь опустился на одно колено, прижав Анфису к себе, повел пальцами обеих рук к животу, дойдя до центра, обхватил ребенка руками, уперев кулак большим пальцем под солнечное сплетение, и резко встряхнул девочку.

Он слышал ее попытки дышать и глядел на рассыпавшиеся по скамейке шоколадные драже, пока в ухо ему сипел чудовищный стридор.

Снова и снова он встряхивал ее, вспоминая, как это делал врач медицины катастроф полковник Степанчук. Все тот же хрипящий свист. Где же застряло это проклятое драже? Не проще ли уже воткнуть ручку в трахею? Врач говорил до-

статочно трех-четырёх раз, но он уже раз восемь встряхнул несчастное задыхающееся тело. Скоро она потеряет сознание.

Игорь обхватил девочку сильнее, и вложил в толчок всю свою тринадцатилетнюю силу. Драже вылетело, ударившись о скамейку третьего ряда. Детскую глотку тут же разорвал чудовищный кашель, разбавленный громкими вдохами. Вскоре к ним добавился оглушительный плач. Игорь отступил, передавая дочь матери, понимая, что самое страшное уже позади.

В эту же секунду внизу появились охранник и женщина в белом халате. Игорь запрыгнул и уселся на парапет, посмотрел на свои руки – пальцы дрожали, будто с похмелья. Странно – ведь, в отличие от остальных он знал, что Анфиса не умрет. Во всяком случае, не в этом возрасте.

Девочку все еще терзал кашель, но теперь уже доминировал плач. Скорую они все-таки вызвали, теперь это совершенно разумно.

Игорь отряхнул руки, спрыгнул с парапета и побрел по гаревой дорожке к главным воротам. Но едва он ступил на газон, его нагнали шаги.

– Подожди!

Игорь обернулся. В больших странных глазах появилось что-то новое.

– Как ты сказал, тебя зовут?

– Я не говорил, но... Игорь.

– Спасибо.

Игорь кивнул и развернулся, но его снова остановил звенящий голосок.

– Так что ты хотел мне сказать?

Игорь вздохнул, его усталое детское лицо, будто отражало тяжесть навалившихся разом всех подростковых проблем.

– Форд Транзит. – Сказал он, серьезно посмотрев на Анну.

Красивые глаза силились что-то понять, но...

– Когда-нибудь обстоятельства сложатся так, что тебе придется сесть в черный «Форд Транзит». Это такой микроавтобус. Что бы тебе ни говорили, никогда этого не делай.

– Что это значит?

– Просто запомни это.

Она не испугалась.

– Ты необычный.

– Ты тоже.

– Я-то как раз совсем обычная. – Анна нашла в себе силы улыбнуться, демонстрируя ровные белые зубы и свои знаменитые ямочки на щеках. Ее глаза засияли, и он увидел в них уважение к тому чувству, которое без сомнения прочитали в его глазах.

– Только не для меня. – Сказал Игорь.

Оставшуюся субботу и половину воскресенья Игорь провел с братом и родителями. С отцом он говорил как обычный

подросток, сохранивший еще остатки детского уважения к старшему члену семьи мужского пола и, несмотря на психологический возраст быть сыном-подростком ему почему-то было проще. Видимо, родители навсегда остаются родителями, даже если ты вдруг оказался старше их. Возможно, потому что это они, а не ты меняли тебе пеленки, поднимали, когда ты падал, пытаясь делать первые шаги, возили на санках в детский сад и успокаивали, когда тебе снился страшный сон. Хотя глядя на себя в зеркало и слыша свой звонкий голос ему казалось, что именно его взрослое прошлое и было странным затяжным сном.

Он всегда считал, что половина вины в смерти матери лежала на отце, но трудно было возвращаться к этой мысли, глядя на живую мать. Особенно когда ты собирался изменить ход истории. Будет ли он виноват, если мать останется жива? И будет ли это тот же отец, или уже другой? Голова шла кругом от таких мыслей, Игорь просто плыл по течению, задавая отцу вопросы о его собственных родителях, детстве, армии, и о том, чем он занимается на работе. Отец отвечал без привычного раздражения, подробно рассказывал без удивления, злости или иронии, за исключением рассказов о работе. Видимо работа в институте консервной промышленности не подразумевала иного тона.

Воскресный день выдался солнечным и морозным предвестником зимы. На улице засверкали замерзшие лужи, солнце наполнило комнаты ярким светом, особенно роди-

тельскую, в которой было два окна, и отец много смеялся, рассказывая о своем прошлом, хотя Игорь знал, что его мучает тревога по поводу предстоящего «побега».

После обеда отец с матерью собрались в кино. Игорь тоже оделся, собираясь посетить, наконец, Славика. Смех родителей в прихожей оборвал звонок в дверь.

Родители зашептались. Незваных гостей они не любили.

Лязг замков, тихие голоса.

– Игорь! – крикнул отец. – К тебе пришли.

Игорь вышел из комнаты и увидел на пороге квартиры Анну Вайсс. Такая же стильная и прекрасная, только слегка смущенная.

Анна Вайсс у меня дома, подумал Игорь, чувствуя, что впадает в ступор.

– Привет, – сказала Анна, как умела говорить только она – будто ты всегда был ее лучшим другом.

– П-привет, – слегка заикаясь, ответил Игорь.

Родители тоже были удивлены, особенно мать, но отец, понявший, что они вносят излишнее напряжение в эту встречу, потянул ее за дверь.

– Идем, Ира, нам пора.

Как только родители ушли, лицо Анны заметно расслабилось.

– Как ты узнала, где я живу?

– Спросила у одноклассников. Я бы позвонила, но...

– Да-да, у нас нет телефона, – смутился Игорь, – родители

только собираются...

Игорь начал путаться в словах. Он еще вчера заметил, что именно в присутствии Анны Вайсс превращался в самого настоящего тринадцатилетнего Игоря. Он был совершенно не готов к такому варианту воплощения подростковой мечты.

Аня бросила взгляд за его плечо, затем приблизившись положила на него руку, от чего по всему телу прошел электрический разряд.

– Мы можем поговорить наедине? – влился ее шепот в самое ухо. Игорь ощутил теплое дыхание с персиковым вкусом.

– Почему ты шепчешь? – спросил он и тут же догадался по ее взгляду. – А! Мой младший брат... глухонемой.

Аня снова глянула за плечо – туда, где в дверях стоял Макс.

– Но если он смотрит на тебя, то читает по губам. – Добавил Игорь.

– Блин! – Аня прикрыла ладонью глаза. – Простите!

– Да ничего. Можем пойти в комнату.

– Может, лучше прогуляемся?

– Да, конечно!

Зашнуровывая кроссовки, он вдруг подумал, что это невозможно – Анна Вайсс у него дома и зовет его гулять. Он поднял взгляд.

Но нет, это не было видением – живая Анна стояла в своих модных желто-красных кроссовках на их старой циновке и

смотрела на него своими удивительными глазами.

Они пошли по Новой улице в сторону стадиона. Солнечные лучи играли на юных лицах, щеки щипал суховатый мороз, а под ногами хрустели первые льдинки.

– Ты без охранника? – наигранно удивился Игорь.

Она улыбнулась одной из лучших своих улыбок – той самой, когда она чуть приподнимала подбородок, будто собиралась рассмеяться, но всего лишь щурила глаза, превращая их в сплошное сияние.

– Откуда ты знаешь про охранника?

– Понял по...

Игорь хотел сказать – по оттопыренной куртке под левым рукавом, но решил, что хватит играть в провидца.

– Ну, для твоего папы он слишком страшный.

– Папа всем говорит, что он просто друг семьи. – Сказала Аня. – Вообще-то он работает у него водителем. Но иногда в выходные он ходит с нами.

– Как твоя сестра?

– Врачи сказали с ней все в порядке. Слушай, на самом деле я поэтому и пришла. Родители хотят пригласить тебя в гости на ужин на следующей неделе. Я не знаю, захочешь ты пойти или нет...

Ее голос зазвучал неуверенно.

– Думаешь, стоит отказаться?

Аня осторожно улыбнулась.

– Там будут только взрослые, и друзья отца с маленькими

детьми.

Игорь догадался, что скучно будет в первую очередь ей. Он начинал немного понимать настоящую Анну Вайсс, а не ту, что обитала в его подростковых фантазиях, где он периодически то спасал ее от полчищ зомби, то оказавшись наследным принцем из далекой страны, поднимался к ней на эскалаторе с цветком как Ричард Гир.

– Да, звучит не очень весело, – Игорь устремил на нее влюбленный взгляд – в отличие от родителей Анна Вайсс уничтожала даже воспоминания о его взрослой версии, – а зачем вы вообще сюда переехали?

– Это плохое место?

– Это же пригород.

Они свернули на Школьную улицу, и пошли вдоль двухэтажных однотипных коттеджей на четыре семьи с собственными участками – в те годы, наверное, единственный город в России, имевший некое подобие таунхаусов.

Проходя мимо школы, он вспомнил, что в прошлой жизни говорил с ней лишь однажды – в десятом классе она подошла к нему у окна на пятом этаже и спросила, что у них было на контрольной по биологии. Едва справляясь с заиканием, Игорь озвучил два вопроса своего варианта – что-то про фотосинтез и РНК. Понятно, сказала она тогда. Только и всего.

– Папа решил, что за городом жить лучше. Чистый воздух и все такое. И еще он говорит, что у этого города большое бу-

дущее, скоро он станет респектабельным районом Москвы, и мы должны успеть закрепиться в его историческом центре.

– Видное всегда будет сонным провинциальным пригородом. Вам надо было ехать в Куркино. Но ты не хотела переезжать?

– В Москве у меня остались друзья.

– Но ты можешь к ним ездить.

– Да и мы каждый день общаемся по телефону, но все равно.... Они отдаляются.

– Здесь у тебя появится много новых друзей.

Игорь не удержался и посмотрел на нее. Аня глядела под ноги, в ее больших глазах появилась несвойственная ей грусть.

– Почему ты всегда говоришь так, будто знаешь будущее? – спросила она.

– Я знаю тебя. У таких как ты всегда много друзей.

К его удивлению она покачала головой.

– Ты меня не знаешь. И это хорошо.

– Почему?

– Потому что ты уже начинаешь меня пугать своими предсказаниями. Но на самом деле ты видишь то же, что и другие. Ты всю жизнь живешь в этом городе?

– Ну, да.

– И что это за город?

– Все собираются уехать из него, как только закончат школу. Говорить, конечно, не значит делать, но ты понимаешь,

О чем я.

– Ты тоже собираешься уехать?

– Я уеду.

– А твой брат?

Игорь промолчал. Анна посмотрела на него.

– Что с ним случилось?

– У него это с рождения, но это не мешает ему хорошо учиться. Странно...

– Почему?

– Потому что от него никто не требует хороших оценок.

Родители даже не заглядывают в его дневник.

– Может ему просто нравится?

– Учиться? Разве такое бывает?

– Значит, ты плохо учишься?

– Ну, можно сказать и так.

– Мои родители сказали бы, что ты не думаешь о своем будущем.

– Просто я знаю свое будущее.

– Ага, я и забыла. Ну, и какое оно твое будущее?

– Я буду работать в полиции.

– В полиции? В смысле как в кино?

– То есть, я хотел сказать в милиции.

– А если не будешь?

Игорь задумался: ведь в этой версии он собирался спасти брата. И если брат не исчезнет двадцать четвертого октября, пойдет ли он снова в милицию? Наверное, поступить в ака-

демию будет проще с его «даром предвидения», но разве он был хорошим полицейским? Игорь вдруг понял, что не знает ответа на этот вопрос. И видимо, эта растерянность отразилась на его лице.

– Вот видишь, это просто твои мечты, – сказала Аня, – я думаю надо просто делать то, что нравится.

– Почему же ты не делаешь?

– Опять! Откуда ты знаешь?

– Тебе нравится спорт и учеба?

– Спорт возможно, а учиться... Иногда надоедает.

– Но родители заставляют думать о будущем?

Вместо ответа она улыбнулась.

– А что же тебе нравится на самом деле?

– Ну, я люблю животных. Нет, не то, что ты думаешь – не собаки и хомячки. Мне нравится наблюдать за бобрами, птицами и тиграми.

– Тиграми?

– В естественной среде обитания.

Продолжая болтать, они миновали площадь, свернули к парку аттракционов, дошли до детского мира, за которым простиралось непривычно голое поле, разрезанное самодельными оградами на участки в пять соток – первая частная собственность новых русских фермеров и оттуда вновь вышли на Школьную улицу.

– Странно, но мне почему-то кажется, что мы давно знакомы, – сказала вдруг Аня, – или, как будто были знакомы в

прошлой жизни, не знаю даже как сказать...

Игорь испытывал совсем другое чувство – он впервые в жизни узнавал настоящую Анну Вайсс. Жизненный опыт помогал достраивать недостающие паззлы: авторитарные родители, заслуживаемое одобрение вместо безусловной любви, компенсация собственных неудач через детей, неизбежный бунт, вечная борьба и вечный плен – заурядная модель, в центре которой, все тот же – спрятанный где-то глубоко игривый, жизнерадостный и неугомонный характер. Да, она права – она была самой обычной девчонкой, и только его любовь все меняла. Он помнил ее взрослые фотки в Фейсбуке. Детский страх перестать быть идеальной останется с ней до конца – и кто знает, что было бы дальше, если бы ее короткая жизнь не оборвалась. Пластические операции, овощные смузи, фитнес, игры, новые образы? Как должен выглядеть успешный стареющий человек? Как в раздражающей рекламе зубных протезов, назойливо преследующей тебя после звонка спам-бота?

На улице уже стемнело, он проводил ее до дома в самом конце Школьный улицы.

– Значит это твой дом? – спросил Игорь, глядя на двухэтажный коттедж с мансардой, который видел сотни раз.

– А ты как будто не знаешь.

В ее странном испытующем взгляде он увидел новую загадку.

Конечно, он знал, что этот четырехквартирный дом цели-

ком выкуплен ее отцом намного дороже, чем жила на свете эта девочка – сколько раз он проходил мимо него, намеренно замедляя шаг в надежде увидеть в одном из окон знакомый силуэт.

– Знаю! – признался он. – А вот чего не знаю (но всегда хотел узнать, добавил он про себя) – где в этом доме твоя комната.

Аня положила теплую ладонь ему на плечо, и слегка подтолкнув к калитке, указала на боковое окно, выходящее в сад.

Надо же, а он всегда думал, что она живет в мансарде, откуда через узкое французское окно иногда выходит на маленький полукруглый балкончик. Сколько секретов раскрыл ему этот день.

– Ну что, увидимся в школе?

Ее лицо было так близко. Желание прижать ее к себе и поцеловать нежные губы, почувствовать тепло и дыхание, глядя в эти странные глаза было почти невыносимым. Но ей было всего четырнадцать, а ему совсем не точно, тринадцать с половиной. Вряд ли кто-то не сочтя его сумасшедшим докажет обратное, но он был уверен, что обман отравит настоящее чувство. Может быть, поэтому настоящая любовь часто бывает несчастной?

«Поживем – увидим, Аня», – сказал он про себя, а вслух произнес лишь:

– Пока.

На город опустился черный осенний вечер. Тусклый свет фонарей спрятавшихся в золотых кронах стекал на пустынные улицы, печально искрясь в замерзших лужах. Лунный серп вышел из-за водонапорной башни, и повис над «игрушечными» домиками. Ветер покачивал березы, походившие в темноте на великанов, склонившихся над перекрестком. Он не забудет этот вечер. Не забудет застенчивый взгляд и неоконченную фразу и мерцание голубых экранов в низких окнах за палисадниками и свет бесконечно далекой Кассиопеи в северном небе. В периоды вечернего затишья подмосковный городок магически замирал. В такие моменты, обычно возвращаясь домой, он иногда чувствовал, будто что-то незримое и неуловимое уходило от него навсегда и он, замедляя шаг, вглядывался в эти узкие улочки, фонари и дома с палисадниками в поисках ответа. Но не тогда, а намного позже он поймет, что навсегда уходило детство. Здесь жили те, кого ты знал, и кого уже никогда не будет, здесь было то, что останется теперь только в сердце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.